

INSPIRIA

БЕСТСЕЛЛЕР
NEW YORK TIMES

ПОСЛЕДНИЙ ДОМ НА НИКЧЕМНОЙ УЛИЦЕ

«Я НЕ ЧИТАЛ
НИЧЕГО ПОДОБНОГО
СО ВРЕМЕН ГИЛЛИАН ФЛИНН».

СТИВЕН КИНГ

КАТРИОНА УОРД

INSPIRIA

Катриона Уорд

Последний дом на Никчемной улице

Серия «Ток. Мировые хиты»

indd предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66642256

*Катриона Уорд Последний дом на Никчемной улице: Эксмо;
ISBN 978-5-04-160861-3*

Аннотация

«Мужчина примерно двадцати семи лет, в браке не состоит.

Безработный или же занят ручным трудом.

В общественном плане маргинал.

Скорее всего, ранее привлекался за насильственные преступления.

Мотивация для похищения ребенка сводится к...»

Так Ди представляет маньяка, лишившего ее младшей сестры много лет назад. До сих пор полиция не может ничего сделать – зацепок нет. Только по крошечной улике – старой фотографии подозреваемого – Ди начинает собственное расследование.

Хоть на ней и не видно лица, есть кое-что важное – адрес. Туда Ди и переедет.

Никчемная улица.

Последний дом.

Содержание

Тед Баннерман	6
Оливия	33
Тед	47
Ди	62
Тед	81
Оливия	88
Ди	97
Тед	108
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Катриона Уорд Последний дом на Никчемной улице

Catroina Ward

THE LAST HOUSE ON NEEDLESS STREET

Copyright © Catriona Ward, 2021

Дизайн обложки: © blacksheep-uk.com

Редактор серии Ю. Чернова

© Липка В., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

*Посвящается моему племяннику
Риверу Эмануэлю Уорду Эноху,
родившемуся 14 августа 2020 года*

Тед Баннерман

Сегодня годовщина Девочки с фруктовым мороженым. Это случилось одиннадцать лет назад у озера – вот она была, и вдруг ее не стало. Так что день, когда я обнаруживаю, что среди нас затаился Убийца, с самого начала можно назвать паршивым.

Первым делом мне на живот с пронзительным мяуканьем, напоминающим перезвон заводных часов, тяжело плюхается Оливия. Если на свете и есть что-нибудь лучше кошки в кровати, мне об этом ничего не известно. Я обхаживаю ее, как только могу, потому как позже придет Лорен и она тут же исчезнет. Моим дочери и кошке в одном помещении не ужиться.

– Я проснулся! – говорю я. – Сегодня твоя очередь готовить завтрак.

Она смотрит на меня своими желто-зелеными глазами, тихонько уползает, находит солнечный зайчик, бросается на землю, шурится и время от времени бросает в мою сторону взгляд. Кошки шуток не понимают.

Я поднимаю с крыльца газету. Мне нравится наше местное издание по той простой причине, что в нем сообщается о появлении редких птиц – если заметишь какое-нибудь необычное пернатое типа северного дятла или сибирской за-

вирушки, им можно написать. Даже в такую рань затянутый маревом воздух теплый, как суп. Улица оживлена еще меньше обычного. Она притихла, будто погрузившись в воспоминания.

При взгляде на первую полосу у меня внутри все сжимается и скручивается в тугий узел. Вот и она. У меня совсем вышибло из головы, что сегодня ее годовщина. Со временем я не в ладах.

Фотография всегда одна и та же. Большие глаза, притененные полями шляпы, и пальцы, вцепившиеся в палочку мороженого с такой силой, будто она боится, как бы его не отняли. На голове влажные, блестящие, короткие, как у мальчишки, волосы. Она купалась, однако никто не закутал ее в пушистое полотенце, дабы вытереть. Мне это не нравится. Так можно подхватить простуду. Другую фотографию – ту, на которой изображен я, – на этот раз печатать не стали. Из-за этого газетчики нарвались на крупные неприятности. Хотя как по мне, то все же недостаточно крупные.

Ей было шесть. Все очень расстроились. В окрестностях, особенно у озера, у нас с этим проблема, поэтому ситуация развивалась быстро. Полицейские обыскали в округе дома всех, кто, по их мнению, мог причинить ребенку вред.

Поскольку мне при этом присутствовать не разрешили, я вышел на крыльцо. Было лето, глаза слепило от света, жара

стояла, как на поверхности какой-нибудь звезды. От затяжного послеполуденного зноя у меня медленно обгорала кожа. Я слышал, как полицейские откидывали уродливый голубой ковер в гостиной, отдирали доски пола и простукивали перегородку за задней стенкой шкафа – им показалось, будто там прослушивается пустота. По двору расхаживали псы, заглядывали в спальню и куда только можно. Я знал, что это за собаки. У таких в глазах белыми зубами оскаливалась сама смерть. Пока я стоял, ко мне подошел какой-то тощий малый с фотоаппаратом и стал снимать. Мне даже в голову не пришло его остановить.

– Нет картинки – нет статейки, – бросил мне он перед тем, как уйти.

Мне было невдомек, что под этим имелось в виду, но на прощание он весело помахал мне рукой, поэтому я ответил ему тем же.

– Что с вами, мистер Баннерман?

Детектив в женском обличье – вконец замотанная – напминала собой опоссума.

– Ничего.

Меня трясло. «Молчок, Малыш Тедди». Зубы отбивали чечетку, будто я страшно замерз, хотя мне было жуть как жарко.

– Но вы закричали! Произнесли мое имя и, как мне показалось, слово «зеленый».

– Должно быть, подумал о той истории, которую наприду-

мывал себе в детстве... О потерявшихся мальчиках, превращавшихся у озера во всякие зеленые штуковины.

Она окинула меня взглядом, который я хорошо знал. На меня все время так смотрели. Я крепко прижался к стволу дубка в палисаднике. Дерево наделяло меня своей силой. Что тут можно было сказать? Если и было что-то, то оно парило прямо над кромкой моих мыслей.

– Мистер Баннерман, это ваше единственное жилище? Другого дома где-нибудь поблизости у вас нет? Охотничьей сторожки или чего другого в этом роде?

Она вытерла с верхней губы пот. На нее непосильным грузом давили проблемы, будто ей на спину взвалили тяжеленную наковальню.

– Нет, – ответил я. – Нет, нет и нет.

Разговоров о воскресном убежище она бы не поняла.

В конце концов полицейские ушли. У них просто не было другого выхода, потому как после обеда я постоянно торчал у супермаркета «7-Eleven», это любой может подтвердить. Об этом же свидетельствует и запись с камеры видеонаблюдения. Я занимался там тем, что сидел на тротуаре у раздвижных дверей, а когда они разъезжались в стороны, выпуская в облаке прохладного воздуха очередных покупателей, просил у них конфетку. Иногда, когда у кого-то были сладости, мне что-нибудь давали, а порой даже специально покупали. Mamochka, узнай об этом, наверняка сгорела бы от стыда, но я так любил сладости. И никогда даже близко не

подходил ни к озеру, ни к Девочке с фруктовым мороженым.

Когда полицейские наконец закончили и позволили мне вернуться в дом, там повсюду витал их запах – шлейфы одеколona, пота, пронзительно воняющей резины и химикатов. Меня огорчало, что они видели дорогие моему сердцу вещи, в том числе фотографию Мамочки и Папочки. Снимок уже тогда практически выцвел, и черты их лиц почти поблекли. Они прощались со мной, растворяясь в белизне. Еще на полке стояла сломанная музыкальная шкатулка – Мамочка привезла ее из своего далекого дома. Она уже не работала. Я расколотил ее вместе с матрешками в день, когда произошла история с мышонком. Сорванная со своего пьедестала крохотная балеринка тогда упала на пол и умерла. Может, из-за этого мне стало еще хуже. (Не знаю почему, но я называл ее Элоизой; она попросту выглядит именно как Элоиза.) В моих ушах звучал мелодичный Мамочкин голос. *Ты забираешь у меня что только можно, Теодор. Все забираешь, забираешь и забираешь.*

Все эти люди смотрели своими глазами на мои вещи, отчего у них в головах рождались собственные мысли, и дом уже не ощущался моим.

Я закрыл глаза и сделал глубокий вдох, чтобы успокоиться. А когда вновь их открыл, мне в ответ самодовольно улыбнулась матрешка. Рядом с ней стояла музыкальная шкатулка. Гордо выпрямившись, балеринка Элоиза грациозно вскинула над головой руки. С фотографии улыбались Мамочка

и Папочка. Прекрасный оранжевый ковер радовал ноги мягкими катышками.

Мне сразу же стало лучше. Все было в порядке. Это мой дом. В ладонь ткнулась головой Оливия. Я засмеялся и подхватил ее на руки.

И от всего этого почувствовал себя совсем хорошо. Но на чердаке над моей головой завозились зеленые мальчики.

На следующий день я попал в газету, прямо под заголовок «Обыск в доме подозреваемого». Я стоял перед своим жилищем. Полицейские обыскали и другие дома, однако из статьи могло показаться, что побывали они только у меня. Другие, надо полагать, оказались достаточно умны, дабы прикрыть руками лица. *Нет картинки – нет статейки.* Мою фотку поместили рядом со снимком Девочки с фруктовым мороженым, что само по себе уже представляло отдельную историю.

Названия улицы к фотографии не прилагалось, но ее, по всей видимости, все равно узнали. В окна полетели камни и кирпичи. Много. Стоило мне заменить стекло, как в него тотчас опять влетал камень. Мне показалось, я схожу с ума. Это повторялось столько раз, что я сдался и заколотил окна фанерой. Нападавшие подостыли. Какой интерес швырять булыжники, если больше нечего разбить? Я перестал днем выходить на улицу. Для меня наступили скверные времена.

Девочку с фруктовым мороженым – то есть газету с ее фо-

тографией – я положил в чулан под лестницей. Чтобы сунуть ее в самый низ кучи, мне пришлось наклониться. И в этот момент мне на глаза попался магнитофон, едва выглядывавший из-под горы печатной продукции на полке.

Я тут же его узнаю. Он принадлежал Мамочке. Снимаю аппарат с полки. От прикосновения к нему возникает странное чувство, будто рядом звучит шепот, который мне не разобрать.

Пленка уже в аппарате – половина записана, вторая пуста. Старая, с полосатой, желто-черной этикеткой, кассета. Правильный Мамочкин почерк. *Заметки.*

Слушать я ее не слушаю. И так знаю, что на ней. Мамочка всегда наговаривала свои заметки вслух. Она слегка спотыкалась на согласных, и избавиться от этого до конца ей так и не удалось. В звуках ее голоса слышалось море. Мамочка родилась далеко-далеко, под темной звездой.

«Просто оставь его в покое, – думаю я, – забудь, что ты его видел».

Я съел маринованный огурчик и теперь чувствую себя гораздо лучше. В конце концов, все это случилось давным-давно. Становится все светлее, природа обещает самый замечательный день. Прилетят птицы. Каждое утро они высыпают из леса и опускаются у меня на заднем дворе. Желтогорлые певуны, королики, овсянки, клесты, воробьи, черные дрозды, голуби. Их там пруд пруди – один красивее другого. Мне

нравится за ними наблюдать. В надлежащем месте я проделал в куске фанеры аккуратную дырочку нужного размера, обеспечив полный обзор заднего двора. Помимо прочего, я постоянно слежу, чтобы была вода и никогда не пустовали кормушки. В такую жаркую погоду птицам порой бывает несладко.

Я уже собираюсь за ними понаблюдать, как в любой другой день, но в этот момент у меня что-то екает в груди. Порой нутро узнает о чем-либо быстрее мозга. Что-то явно не так. Слишком уж тихое это утро. Я говорю себе не дурить, делаю глубокий вдох и припадаю глазом к отверстию.

Первым делом вижу сойку. Она лежит в самом центре лужайки. Яркая мешанина ее перьев сверкает, словно нефтяное пятно на воде. И судорожно дергается. Одно крыло молотит по воздуху в отчаянной попытке взлететь. На земле птицы всегда выглядят неестественно. Задерживаться там надолго им не положено.

Дрожащими руками я поворачиваю ключи в трех массивных замках двери черного хода. *Щелк, щелк, щелк*. И даже сейчас трачу несколько секунд, чтобы обратно их запереть. Птицы лежат на опаленной зноем траве, разбросанные по всему двору. И без конца барахтаются, безнадежно застряв в каких-то непонятных штуковинах, издали напоминающих куски коричневатой бумаги. Многие, особой двадцать, уже мертвы. Другие еще живы. Подсчитав, я обнаруживаю, что продолжают биться семь сердечек. Птицы хватают клювика-

ми воздух, высунув в агонии узкие черные язычки.

Мои мысли стайкой муравьев разбегаются в разные стороны. Дабы понять, что произошло, достаточно сделать три вдоха. Ночью кто-то пришел и установил у каждой кормушки клеевые ловушки, обернув ими проволочные клетки и прикрепив к подвешенным на тетиве шарам. Прилетев на рассвете покормиться, птицы клювиками и лапками увязли в липкой массе.

«Убийство, убийство, убийство...» Я могу думать только об этом и ни о чем другом... Кто мог так поступить с птицами? Потом в голову приходит другая мысль: «Надо разобраться. Нельзя допустить, чтобы это увидела Лорен».

У проволочной изгороди припала к земле бездомная полосатая кошка, пожирающая картину происходящего своими янтарными глазами.

– Пошла прочь! – ору я.

Затем хватаю первое, что попадает под руку, – пустую банку из-под пива – и швыряю в нее. Снаряд летит мимо и попадает в столб. *Баммм*. Зверюга уходит, медленно переставляя свои лишенные когтей лапы, будто уйти было исключительно ее идеей.

Я собираю живых птиц. В моих руках они слипаются вместе, образуя дергающуюся массу, и напоминают чудовище из самых страшных кошмаров – повсюду лапки, глаза и клювики, жаждущие воздуха. Когда я пытаюсь отодрать их друг от дружки, перья отделяются от плоти. Пернатые не издают ни

звука, и это хуже всего. Птицы не люди – когда им больно, они затихают.

Я отношу их в дом и предпринимаю любые мыслимые усилия, какие только приходят в голову, дабы растворить клей. Но после нескольких попыток с использованием растворителя понимаю, что делаю только хуже. Птицы закрывают глаза и судорожно дышат. Я больше не знаю, что делать. Они увязли навсегда – ни туда и ни сюда. И хотя еще не мертвы, но жить уже тоже не могут. Поначалу в голову приходит мысль их утопить, затем – разбить молотком головы. Одна идея сменяется другой, от чего меня охватывает все более жуткое, зловещее чувство. Я подумываю открыть шкаф, в котором хранится ноутбук. Может, что-нибудь подскажет Интернет. Но при этом понятия не имею, куда положить птиц. Стоит им к чему-нибудь прикоснуться, как они тут же намертво прилипают.

Затем я вспоминаю одну передачу по телевизору. Попытаться стоит, тем более что уксус у нас есть. Орудуя одной рукой, я отрезаю кусок шланга, беру большой пластиковый контейнер «Таппервер», пищевую соду и достаю из-под раковины белый уксус. Затем аккуратно кладу внутрь птиц, герметично закрываю крышкой, а в предварительно проделанное в ней отверстие втыкаю шланг. После чего смешиваю в пакете пищевую соду с уксусом и прилаживаю его к шлангу с помощью аптечной резинки. В итоге у меня получается газовая камера. Воздух в контейнере начинает меняться, и ко-

пошение перьев постепенно стихает. Я не отвожу от происходящего глаз, ведь смерть достойна того, чтобы за ней наблюдать. Даже когда это смерть птицы. Все заканчивается быстро. Они и без этого уже наполовину сдались от страха и жары. Последним выпускает дух голубь; его выпяченная грудка вздымается и опадает все меньше, пока не замирает окончательно.

Убийца превратил в душегуба и меня.

Я уношу трупики на помойку на заднем дворе. Безвольные, все еще теплые тельца, мягкие на ощупь. Где-то по соседству косят газон. В воздух закрадывается запах свежескошенной травы. Окрестные жители пробуждаются от сна.

– Ты в порядке, Тед? – спрашивает человек с волосами цвета апельсинового сока, который каждый день гуляет с собакой в лесу.

– Конечно, все хорошо, – отвечаю я.

Он смотрит на мои ноги, и до меня доходит, что на мне нет ни обуви, ни даже носков. Ступни у меня белые и волосатые. Я прикрываю одну из них другой, но отнюдь не чувствую себя от этого лучше. Пес тяжело дышит и скалит на меня зубы. Обычно домашние животные лучше своих хозяев. Мне жаль всех этих собак, кошек, кроликов и мышей. Им приходится не только жить с людьми, но и любить их, а это уже гораздо хуже. Что касается Оливии, то она не домашний питомец, а нечто неизмеримо большее. (Полагаю, что так к своей кошке относится каждый, у кого она есть.)

При мысли о том, что рядом с моим домом в холодном мраке затаился Убийца, устанавливающий во дворе ловушки, а может, даже подглядывающий за мной, Лорен и Оливией своими безжизненными, черными, как у жука, глазами, у меня тут же замирает сердце.

Я возвращаюсь. Вплотную ко мне стоит Леди Чихуахуа. Ее рука лежит на моем плече. Странно. Обычно ко мне не любят прикасаться. Пес у нее под мышкой дрожит и изумленно пучит на меня глаза.

Мы стоим перед ее домом – желтым с зеленой отделкой. У меня такое ощущение, будто я что-то забыл или же мне вот-вот предстоит что-то узнать. «Да соберись ты, – говорю я себе, – не чуди». На чудиков тут же обращают внимание. И запоминают.

– ... бедные твои ноги... – говорит дама. – А куда ты подевал ботинки?

Этот тон мне хорошо знаком. Крошечные женщины жаждут окружать заботой крупных мужчин. Для меня это загадка.

– Тебе надо следить за собой, Тед, – продолжает она, – мама из-за тебя страшно бы расстроилась.

Вижу, что из моей ноги на бетон темно-красной струйкой течет кровь. Наверное, я на что-то наступил.

– Я гоняюсь за этой бездомной бродягой, – звучит мой ответ, – то есть гонялся. Не хочу, чтобы она таскала на моем

дворе птиц. (У меня в голове иногда путаются времена. Меня никогда не покидает ощущение, что все происходит здесь и сейчас, поэтому порой я забываю, что это было в прошлом.)

– От этой кошки одни неприятности, – говорит она, и в ее глазах вспыхивает интерес.

Я добавил ей новых ощущений.

– Она сущее бедствие. Город должен заняться бродячими кошками, в точности как занимается другими зловредными тварями.

– Это точно, – говорю я, – тут и спору нет.

(Имена в моей памяти не откладываются, но у меня свои способы оценивать и запоминать людей. Первый из них: были бы они добры к моей кошке? Эту даму я бы к Оливии не подпускал.)

– Как бы то ни было, спасибо вам, – говорю я, – мне уже лучше.

– Ну еще бы, – отвечает она, – приходи завтра на чай со льдом, я напеку печенья.

– Завтра не могу.

– Тогда приходи, когда захочешь. Мы ведь соседи и должны приглядывать друг за дружкой.

– Я и сам это всегда говорю.

Мне приходится быть вежливым.

– Знаешь, Тед, а ведь у тебя милая улыбка! Тебе следовало бы чаще ее показывать.

Я машу рукой, демонстрирую все свои тридцать два зу-

ба и ухожу – ковыляя, старательно изображая боль, которую в действительности совсем не чувствую, и прихрамывая на кровотокающую ногу до тех пор, пока дама не скрывается за углом.

Леди Чихуахуа даже не заметила, что я ушел, и это хорошо. Я потерял время, но, похоже, не так уж много. Тротуар под ногами теплый, но назвать его раскаленным пока нельзя. Где-то поблизости по-прежнему жужжит газонокосилка, поэтому в воздухе висит вязкий, свежий аромат только что скошенной травы. Похоже, я потерял пару минут. Однако не надо было допускать этого на улице. К тому же перед выходом из дома следовало обуться. Здесь я совершил ошибку.

Порез на ноге я обрабатываю дезинфицирующим составом из пластиковой зеленой бутылки. Он, похоже, предназначен не столько для кожи, сколько для столешниц и полов. Нога после этого выглядит гораздо хуже; кожа покраснела и приобрела синюшный оттенок. Похоже, что вполне могла бы доставить мне боль, если бы я мог ее чувствовать. Но рану я как минимум промыл. А потом перемотал марлей. И марли, и бинтов у меня здесь полно. Всякие несчастные случаи в нашем доме не редкость.

У меня до сих пор липнут руки, словно к ним что-то приклеилось, то ли жевательная резинка, то ли смерть. Помню, я где-то читал, что у птиц бывают вши. А может, не у них, а у рыб. Руки я тоже мою чистящим средством для полов.

Меня трясет. Я принимаю таблетку, которую надо было выпить еще несколько часов назад.

Одиннадцать лет назад в этот день пропала Девочка с фруктовым мороженым. Сегодня утром кто-то угробил моих птиц. Вполне возможно, что эти два обстоятельства никак между собой не связаны. В мире полно всякой бессмыслицы. Но может случиться и так, что это звенья одной цепи. Откуда Убийце было знать, что на моем заднем дворе на рассвете кормится такое количество птиц? Он что, знает окрестности? От подобных мыслей мне отнюдь не хорошо.

Я составляю перечень. Наверху пишу: *Убийца*. Список получается совсем короткий.

Сосед с волосами цвета апельсинового сока

Леди Чихуахуа

Незнакомец

Я посасываю кончик ручки. Проблема в том, что я не очень хорошо знаю соседей. С ними водила близкое знакомство Мамочка. Пленять окружающих было ее стихией. Но, завидев меня, они обычно тут же шагают в другом направлении. Прямо у меня на глазах разворачиваются и улепетывают со всех ног. Так что Убийца сейчас может быть совсем рядом, через каких-то два дома, есть пиццу и посмеиваться надо мной. Я немного расширяю свой список:

*Сосед-выдра, его жена или их дети
Двое мужчин из Голубого дома
Леди, пахнущая пончиками*

Вот практически и все обитатели этой улицы.

Я не думаю, что кто-то из них действительно Убийца. Некоторые, как семейство выдр, на данный момент в отпуске.

У нашей улицы странное название. Некоторые порой останавливаются и фотографируют установленную в ее начале погнутую табличку. А потом уходят, потому как за ней один только лес и больше ничего.

Я медленно вношу в список еще одно имя. *Тед Баннерман*. Чем черт не шутит.

Затем отпираю шкаф, в котором храню принадлежности для рисования, и аккуратно прячу его под старой коробкой мела, к которой Лорен никогда даже не прикасается.

Людей я оцениваю по двум критериям – как они относятся к животным и что любят есть. Тот, кто предпочитает какой-нибудь салат, человек явно дрянной. А с тем, кому больше по душе любые блюда с сыром, скорее всего, полный порядок.

Еще нет и десяти часов утра – это я могу утверждать по тому, как солнце, пробиваясь сквозь дыры в фанере, рисует на полу пятна света, похожие на монетки, – а день уже совсем

не задался. Поэтому я решаю приготовить ранний ланч, мой любимый, самый лучший на всем белом свете. Для этого надо взять ту штукювину, на которую можно записывать голос.

А то я все думаю – почему бы не использовать для рецептов магнитофон? (Да, знаю, Мамочке это бы не понравилось. В затылке вспыхивает жар, красноречиво напоминающий о том, что окажись она сейчас рядом, то назвала бы меня «*сущим наказанием*».)

Я снимаю обертку с новой упаковки кассет. От них исходит приятный запах. Затем вставляю одну из них в аппарат. В детстве мне всегда хотелось с ним поиграть. У магнитофона есть большая красная кнопка, похожая на фортепианную клавишу и громко щелкающая, если ее нажать. Сейчас я не знаю, что делать со старой Мамочкиной лентой, и это меня расстраивает. Ни выбросить, ни разломать ее не могу – об этом не может быть и речи, – но и хранить их вместе с моими, новенькими и симпатичными, тоже не хочу. Поэтому кладу ее обратно в чулан под лестницей, запихивая под ворох газет, под Девочку с фруктовым мороженым. Вот и все, готово!

Рецепт сэндвича с сыром и медом от Теда Баннермана. Раскалить на сковороде растительное масло. Намазать с обеих сторон сливочным маслом два куска хлеба. Взять немного чеддера – лично я предпочитаю нарезанный, но вы можете воспользоваться любым по вашему усмотрению.

Это ведь ваши ланч. Взять немного меда и намазать им с одной стороны оба куска хлеба. Положить на мед сыр, а сверху нарезанные кусочки банана. Теперь сложить куски хлеба в сэндвич и обжаривать на сковородке, пока он не подрумянится с обеих сторон. Когда все будет готово, сдобрите его солью, перцем и соусом чили. Разрежьте пополам. Посмотрите, как сочатся сыр и мед. Да такой даже есть жалко! Ну или почти, ха-ха-ха!

Какой же ужасный у меня голос! Как у придурковатого ребенка с лягушкой в животе. Ладно, записывать рецепты я буду, но слушать их стану только в случае крайней необходимости.

Вести такие записи мне предложил человек-жук. Сказал вести «дневник ощущений». От этих слов в моей душе поселилась тревога. Но он выразился просто. «Говори обо всем, что происходит и как это на тебя влияет». Ну, об этом не может быть и речи. Но записывать рецепты здорово, на тот случай если я в один прекрасный день исчезну и запомнить их будет уже некому. Завтра приготовлю сэндвич с клубникой и уксусом.

У Мамочки были свои представления о еде, но мне это дело нравится. Как-то раз я подумал, что мог бы стать поваром, может, даже открыть закусочную. Подумать только! «У Теда»! Или же писать кулинарные книги. Но из-за Лорен и Оливии ни того ни другого мне делать нельзя. Я не могу

оставить их одних.

Об этом было бы неплохо с кем-нибудь поговорить. (Только не с человеком-жуком, ведь для меня очень важно не показывать ему, кто я такой на самом деле.) Мне хотелось бы делиться рецептами с другом, но у меня его нет.

С сэндвичем в руках я сажусь на диван и смотрю монстр-траки. Это просто здорово. Они оглушительно режут и едут куда им заблагорассудится. Для них нет преград, их ничто не может остановить. Сыр и монстр-траки. Мне надо бы радоваться. Но в голове одни только клювики и перья. А что, если и я тоже увяз в какой-нибудь липучей ловушке? Если просто исчез? Ведь за моей смертью некому наблюдать.

Мой бок чувствует едва заметное прикосновение. Оливия тычется мордочкой мне в ладонь и забирается на колени, перебирая тяжелыми, бархатистыми лапками. Затем все ерзает и ерзает, пытаюсь устроиться как можно удобнее. Она всегда знает, когда я расстроен. От ее урчания вибрирует диван.

– Ну все, киска, давай, – говорю я ей, – тебе пора в ящик, скоро придет Лорен.

Она закрывает глаза и расслабляется. Тельце кошечки становится таким безвольным, что, когда я несу ее на кухню, она чуть не выскальзывает из моих пальцев. Потом открываю крышку старой, сломанной морозильной камеры. Мне еще сто лет назад надо было избавиться от этой штуковины, но Оливии она очень нравится, хотя почему, знает один только Бог. И хотя морозильник давным-давно не работает,

я по привычке убеждаюсь, что он не включен в розетку. На прошлой неделе мне стало боязно, что в нем не хватает воздуха, в итоге в крышке пришлось проделать пару лишних дыр. Убивать живых существ, конечно же, трудно, но вот заботиться о них, чтобы они могли жить и быть в безопасности, гораздо труднее. Уж кто-кто, а я точно это знаю.

Мы с Лорен играем в ее любимую игру. В ней много правил, помимо прочего подразумевающих носиться на бешеной скорости на розовом велосипеде по всему дому, выкрикивая названия мировых столиц. За правильный ответ Лорен дважды звонит в свой звонок, за неправильный четырежды. Игра хоть и шумная, зато познавательная, поэтому я ничего не имею против. Когда раздается стук в дверь, я кладу на ее звонок ладонь и говорю:

– Сейчас я открою, а ты сиди тихо. В смысле не шуми. И не подглядывай.

Лорен кивает головой.

Это Леди Чихуахуа. Из ее сумки нервно выглядывает пес. У него поблескивающие, дикие глаза.

– Судя по звуку, у вас тут в самом разгаре какие-то игры, – говорит она, – я хочу сказать, что детям по самой природе положено шуметь.

– Ко мне пришла дочь, – отвечаю я, – так что вы не во-время.

– Да, несколько лет назад мне говорили, что у тебя есть

дочь, – продолжает Леди Чихуахуа. – Кто же мне это сказал? Нет, теперь уже не припомню. Но я точно от кого-то слышала о твоей дочери. Мне было бы очень приятно с ней познакомиться. Соседям надо дружить. Я принесла тебе виноград. Он полезен для здоровья и сладкий, так что всем обычно нравится. Даже детям. Это ведь природная сладость.

– Спасибо, – говорю я, – но мне пора идти. У нас с ней нет возможности проводить много времени вместе. Да и потом, у меня не убрано.

– Как ты, Тед? – спрашивает она. – Нет, правда, как ты?

– В порядке.

– А как мама? Мне бы хотелось получить от нее весточку.

– С ней тоже все хорошо.

Она с минуту молчит и говорит:

– Ладно, думаю, еще увидимся.

– Эй, пап! – кричит Лорен, когда за Леди Чихуахуа надежно заперта дверь. – Чили!

– Сантьяго! – ору в ответ я.

Лорен верещит и стрелой уносится прочь, огибая ошетилившуюся углами мебель. Налегая на педали, она громко поет какую-то песенку о мокрице, и не будь я родителем, ни в жизнь не поверил бы, что куплет о какой-то букашке может доставить столько радости. Но именно это и делает любовь, будто запуская тебе в душу свою руку.

Она вдруг останавливается, визжа шинами по деревянным доскам, и говорит:

– Все, Тед, хватит за мной ходить.

– Но мы же играем!

На меня накатывает отчаяние. Ну все, пошло-поехало.

– Я больше не хочу. Уходи, ты меня бесишь.

– Прости, котенок, – звучит мой ответ, – но это невозможно, потому как я могу тебе понадобиться.

– Не нужен ты мне, – говорит она, – я хочу кататься одна. Ее голос срывается на визг.

– Я хочу жить в собственном доме, есть собственную еду, сама смотреть телевизор и больше никогда никого не видеть. Хочу уехать в Сантьяго, в Чили.

– Знаю, – отвечаю я, – но дети не могут ничего этого делать сами. За ними обязательно должен присматривать кто-то из взрослых.

– Ничего, придет время, и я точно смогу, – говорит она.

– Но, котенок, тебе хорошо известно, что этого никогда не произойдет, – как можно мягче говорю я, стараясь вести себя с ней как можно искреннее.

– Я ненавижу тебя, Тед.

Сколько бы раз она ни повторяла эти слова, чувство от них возникает одно и то же: будто тебе в спину на скорости врезалось что-то тяжелое.

– Не Тед, а папа, – отвечаю я, – и никакой ненависти ко мне в тебе нет.

– Я тебя ненавижу, – гнет она свое тихим и тонким, как паук, голосом, – ненавижу.

– Может, поедим мороженого? – спрашиваю я, и эти слова даже для меня самого звучат виновато.

– Лучше бы мне вообще было не рождаться на свет, – говорит она, нажимает на педали, уезжает и прокатывается прямо по ее же собственному рисунку. По черной кошке с изумрудными глазами – Оливии.

Перед этим я совсем не врал: в доме действительно царит страшный беспорядок. Лорен пролила на кухне немного желе, а потом, носясь по дому, несколько раз по нему проехала, оставляя повсюду липкие следы. На диване валяются сломанные карандаши, повсюду разбросана грязная посуда. Это одна из ее любимейших игр – брать из буфета по очереди каждую тарелку, облизывать ее, а потом во весь голос орать: «Пап, а тарелки-то все грязные». Теперь она скатывается с велосипеда на пол, изображает из себя трактор, рычит и медленно ползет вперед.

– Чем бы дитя ни тешилось... – тихо говорю себе я.

Что поделать, родительский долг.

В полдень я принимаю таблетку, но когда пытаюсь ее запить, в меня врывается Лорен. Вода выплескивается из стакана на голубой ковер, пилюля выскакивает из пальцев, подпрыгивает, мелькая в воздухе крохотной, желтой точкой, и исчезает. Я становлюсь на колени и заглядываю под диван, но ее нигде не видать. А ведь их у меня осталось совсем немного.

– А чтоб тебя... – бездумно говорю я. – Твою мать...

Лорен громко верещит. Ее голос превращается в сирену и нарастает до тех пор, пока я не чувствую, что у меня вот-вот лопнет голова.

– Ты *ругаешься*, – хлопает носом она. – Прекрати ругаться, ты, здоровенный, жирный мужлан!

И тут я не выдерживаю. Так уж выходит, помимо моей воли. Хотел бы сказать, что вышел из себя не из-за этого ее «здоровенного, жирного мужлана», но не могу.

– Все! – ору я. – Хватит, время вышло.

– Нет!

Она тянет коготки к моему лицу, метя острыми пальчиками в глаза.

– Не умеешь себя вести, значит, и играть здесь не будешь. Мне удастся ее удержать, и она наконец сдастся без боя.

– Мне кажется, котенок, тебе надо немного поспать, – говорю я, укладываю ее в постель и включаю запись.

Шепот диска проигрывателя несет успокоение. Воздух наполняет милый женский голос. Стоит зимняя ночь, ни у кого нет ни лишней кровати, ни конфетки... Сейчас я уже не помню имени певицы. Ее глаза преисполнены сострадания. Она как мать – но мать, которую не надо бояться.

Я собираю карандаши с фломастерами и пересчитываю их. Все на месте, это хорошо.

Этой музыкой я приучаю Лорен ко сну. Она была нервным ребенком, а теперь постепенно превращается в трудного подростка. Как же это называется? Ах да, тинейджер. Порой,

как, например, сегодня, она кажется совсем еще маленькой, ей хочется только одного – носиться на своем розовом велосипеде. То, что сейчас произошло, меня беспокоит. И для этого беспокойства есть немало поводов.

Первый и самый важный: я чаще ухожу. Такое со мной случается в состоянии стресса. А что, если я в один прекрасный день уйду и больше не вернусь? Тогда Лорен с Оливией останутся одни. Мне нужны таблетки посильнее. Надо будет поговорить с человеком-жуком. Пиво холодит руку, а когда я тяну за кольцо, шипит, как змея. Я беру из банки три маринованных огурчика, режу их пополам и мажу арахисовой пастой. Хрустит поистине замечательно. Закуска просто супер, отлично идет под пиво, но я не могу ею насладиться.

Второй: шум. Наш дом стоит в самом тупике, за ним больше ничего нет, один только лес. А дом, что слева от нас, давным-давно пустует; газеты, которыми изнутри залепили окна, пожухли и пожелтели. Поэтому я за долгие годы ослабил бдительность, позволяя Лорен петь и кричать. Над этим стоит подумать. Леди Чихуахуа ее уже услышала.

Под кухонным столом красуется россыпь черных какашек. Опять вернулась мышь. Лорен все еще слегка всхлипывает, но уже успокаивается, что само по себе хорошо. Музыка делает свое дело. Надеюсь, она немного поспит, а потом я разбужу ее к ужину, когда приготовлю любимое блюдо – хот-доги со спагетти.

Повод третий: и сколько она еще будет любить хот-доги

со спагетти? Сколько я еще смогу ее защищать? За ней нужен постоянный просмотр. Дети подобны цепям на сердце или шее, которые тянут тебя в разные стороны. Она слишком быстро взрослеет; я знаю, так говорят все родители, но это ведь сущая правда.

«Успокойся», – уговариваю я себя. Оливия в конечном итоге научилась радоваться существующему положению вещей. Котенком она то и дело подбегала к двери каждый раз, когда я ее открывал. В жизни не смогла бы выжить за стенами дома, но все равно подбегала. Теперь, правда, уже слишком поумнела, чтобы так делать. Если это поняла кошка, то поймет и Лорен. Я по крайней мере на это надеюсь.

День клонится к закату, и после ужина Лорен пора уходить.

– Пока, котенок, – говорю я.

– Пока, пап, – отвечает она.

– Через неделю увидимся.

– Ага.

Она теребит ремешок рюкзака. Ей, похоже, все равно, но мне этот момент ненавистнее всего. Я взял за правило никогда не показывать, насколько расстроен. Опять ставлю запись. В знойных сумерках ветром летит женский голос.

Когда мне выпадает гнусный день, в голове постоянно путаются «сейчас» и «тогда». В некоторых уголках дома мне слышатся Мамочкин и Папочкин голоса. Иногда они затевают перебранку по поводу того, кому из них идти в магазин.

В другие разы в холле трещит, заливаясь звоном, старый телефон с диском, Мамочка подходит к нему и разговаривает с моей школой, сообщая, что я опять заболел. Порой мне приходится просыпаться от того, что она зовет меня завтракать. Причем отчетливо, будто звон колокольчика. Затем наступает тишина, и я вспоминаю, что их больше нет. Что они ушли. Одни только боги знают куда.

Боги гораздо ближе, чем нам кажется. Они живут среди деревьев, за такой тонкой оболочкой, что ее можно проковырять ногтем пальца.

Оливия

Тед позвал меня в тот самый момент, когда я вылизывала язычком зудевший участок на лапке. «Как некстати, – подумалось мне, – черт бы его побрал». Но в его голосе прозвучала та самая нотка, поэтому я все бросила и пошла к нему. Для этого всего-то надо было пройти по веревочке, которая сегодня сияет насыщенным золотом.

Он стоял в гостиной. Его взгляд блуждал где-то далеко-далеко. «Котенок», – снова и снова повторял он. В нем, будто черви под кожей, шевелились воспоминания. В воздухе витала гроза. Самая что ни на есть страшная.

Я прильнула к нему бочком. Он подхватил меня трясущимися руками. От его дыхания моя шубка шла бороздами. Я замурлыкала и прижалась к его щеке. Напряжение пошло на спад. Тед задыхался более размеренно. Я потерлась о его лицо мордочкой. В меня лавиной хлынули его чувства. Мне было больно, но я терпела. У кошек все быстро проходит.

«Спасибо, киска», – прошептал он.

Вы понимаете? Когда он меня позвал, я хоть и была занята, но все равно пришла. Господь поставил передо мной эту задачу, и я с радостью ее выполняю. Отношения с другими – вещь очень деликатная. Над ними надо трудиться каждый день.

Леди-тед поет свой заунывный мотив. Я знаю наизусть

каждую ее композицию, едва заметную дрожь и крохотную фальшивую нотку в той песне о прериях. Он постоянно слушает эти записи, когда здесь нет Лорен. Теду, похоже, нужна компания. У меня такое ощущение, что кошка за собеседника не считается. Будь я обидчива, меня это наверняка бы оскорбило. Но теды всегда такие бедолаги, поэтому подобные вещи не стоит принимать на свой счет. Я говорю в целом, потому как не знаю ни одного теда, кроме Теда, у которого живу. Ну и Лорен, надо полагать.

Расскажу все с самого начала. Как он нашел меня во время грозы, в тот самый день, когда нас воедино связала прочная веревочка.

Помню, как я рождалась на свет. Сначала меня не было, а потом появилась, без всяких предупреждений. Меня вышвырнули из теплой утробы в холод, я запуталась в клочьях липкой оболочки плода, ощутила шерсткой первое дуновение воздуха и впервые открыла ротик, чтобы закричать. Она склонилась надо мной, огромная, как небо. Я почувствовала на шейке теплый язык и такие же теплые губы. Пойдем, киска, здесь небезопасно. Мама-кошка. Остальных мы бросили в грязи. Им было не пережить тот поход. Мягкие тельца, с которыми я все эти месяцы делила мрак, теперь неподвижно застыли в потоках ливня. Надо идти. Ее одолевал страх. Я точно могла это сказать, хотя и была еще совсем маленькая.

Ненастье, должно быть, продержалось не один день.

Сколько именно, мне неизвестно. Мы переходили с места на место в поисках крова и тепла. Глазки мои на тот момент еще не открылись, поэтому память запечатлела лишь запахи и прикосновения: мягкое, пахнувшее землей место, где мы спали, резкую, неприятную вонь крыс. Ее мех на моем носике, когда она тесно сворачивалась вокруг меня калачиком, щекощущий аромат листьев падубы. Открыв глазки, я могла видеть лишь смутные очертания. На землю сверкающими ножами обрушивался дождь. Мир грохотал и дрожал. Поскольку, кроме грозы, я больше ничего не знала, мне казалось, что так будет всегда.

Я понемногу научилась стоять, а потом и ходить. Вскороости поняла, что с мамой-кошкой что-то не так, что-то не в порядке с ее телом. Она все медленнее двигалась. И мне доставалось все меньше молока.

Как-то ночью нас приютил овраг. Над головой, бичуемые бурей, трепетали кусты ежевики. Она согрела и покормила меня. Затем заурчала. Голос прозвучал слабо, тепло куда-то ушло. Потом мама-кошка затихла. Ко мне стал подбираться холод.

Послышался рев, ослепительно полыхнул луч света, только не дрожащий небесный сполох, а желтый круг. Что-то вроде сотканного из плоти, сверкающего в струях дождя паука. Тогда я не знала, что это называется «рука». Он объял меня со всех сторон, меня отобрали у мамы.

«Что это?» От него исходил резкий запах земли. Манжес-

ты скользили от грязи. Рядом рычал зверь. Он посадил меня зверю в утробу. По железной крыше мелкими камешками барабанил дождь. Он завернул меня в желтое, с голубыми бабочками, полотенце и согрел. Оно пахло кем-то знакомым, чем-то таким, что я уже знала или же страстно хотела узнать. Но разве так бывает? Я ведь даже не водила еще ни с кем знакомств.

«Бедный, маленький котенок, – сказал он, – я ведь тоже совсем один».

Я лизнула его большой палец.

В этот момент все и случилось. У него в груди, там, где полагается быть сердцу, вспыхнул приглушенный, белый свет, свился в веревочку и по воздуху протянулся ко мне. Я орала и брыкалась, но меня крепко держали. Свет обвился вокруг моей шеи и соединил меня с его сердцем. Никакой боли. Нас просто связали вместе. Не знаю, испытал ли он в тот момент те же чувства, что и я, – мне нравится думать, что да.

Затем он отнес меня в этот милый, теплый дом, где я могла постоянно спать, а он меня гладил. Мне даже наружу смотреть не нужно, да и не хочу! Все окна он заколотил досками. Тед превратил меня в домашнюю кошку, и с тех пор мне больше не приходилось ни о чем беспокоиться. Это только наш дом, и никого другого мы к себе не впускаем. Разве что Мрак, само собой разумеется, зеленых мальчиков и Лорен. Хотя если честно, то без некоторых из них

я вполне могла бы обойтись.

Полагаю, мне надо нас представить. Ведь именно так начинают всякие рассказы. Это трудно. Я совершенно не различаю тедов в телевизоре. Я не знаю, какие детали важны, а какие нет. Словом... по цвету мой Тед наподобие песка. На лице у него лоскуты рыжего меха, несколько гуще на голове и темнее оттенком – что-то вроде лакированного дерева.

Что до меня, то Тед всегда зовет меня «ты», «котенок» или «киска». Но на самом деле меня зовут Оливией. На грудке у меня узкая, белая полоска, ярко выделяющаяся на фоне черной, как смоль, шубки. Длинный и стройный, словно палочка, хвост. Большие, удивительно подвижные уши с деликатными кончиками. Невероятно чуткие. Глаза в форме миндалин и зеленые, как оливки для коктейля. Думаю, не ошибусь, если назову себя красавицей.

Иногда мы действуем как великолепная команда, но порой воюем. Да, все именно так. По телевизору говорят, что всех, и тедов, и кошек, надо принимать такими, какие они есть. Но при этом устанавливать границы. Границы – это важно. Ну все, пока хватит, чувства очень утомляют.

Где-то далеко то ли звонит колокол, то ли зовет чей-то пронзительный голос, рывком вырывая меня из состояния дремы.

Я трясую головой, дабы стряхнуть с себя сон. Но шум не стихает. Может, где-то рядом тихонько поют? Мне это не по

нутру. ИИИИиииИИИИИ.

Подушечки моих лапок нащупывают восхитительную мягкость оранжевого ковра, я словно иду по крохотным, мягким катышкам. По цвету он напоминает морской закат. Проникающий сквозь отверстия в досках свет расцветчивает стены пестрым узором. Они здесь спокойного, пурпурного оттенка. Нам с Тедом этот цвет кажется красивым. Порой мы с ним сходимся во мнении! А вот кресло с откидной спинкой, в котором любит сидеть Тед, — кожа на подголовнике и подлокотниках вытерта до блеска. Дыру, пробитую столовым ножом во время этих гнусных гонок на велосипеде, он заделал серебристым скотчем. Мне в этой комнате нравится все, за исключением двух предметов, восседающих на каминной полке рядом с музыкальной шкатулкой.

Первый объект моей ненависти называется матрешкой. Внутри у нее уменьшенная копия самой себя, а в той еще одна и так далее и тому подобное. Какой ужас. Они же узники. Я так и представляю, как они безмолвно кричат в темноте, не в состоянии ни сдвинуться с места, ни что-то сказать. У куклы широкое лицо, расплывшееся в тупой улыбке. Она, похоже, невероятно радуется, что заточила в себе собственных детей.

Кроме того, я ненавижу фотографию над камином. Родителей, поглядывающих из-за стекла. Мне все в ней ненавистно. Большая, серебряная рамка с витым узором из виноградных гроздьев, белок и цветов. Аляповато. Мордочки бело-

чек выглядят оплывшими и почерневшими от жары. Будто кто-то облил живых существ расплавленным серебром и дал остыть. Но хуже всего фотография в рамке. На заднем плане – черная, стеклянная гладь озера. На песчаном берегу стоят два человека. Их лица – лишь дыры в никуда. Родители с Тедом обходились немилосердно. Подходя к снимку, я каждый раз ощущаю рывок их пустых, выхолощенных душ.

А вот музыкальная шкатулка мне нравится. Крохотная женщина тянется ввысь своей стройной фигуркой, будто хочет коснуться небес.

ИИИИИИиииииИИИ. Нет, в колокольчик звонят не родители. Я поворачиваюсь к ним спинкой, задираю хвост и демонстрирую им зад.

Посреди гостиной на полу валяется розовый велосипед. Повисшие в воздухе колеса все еще едва заметно вращаются. Лорен. Маленький тед большого Теда. Или, может, она принадлежит другому теду, а он только за ней приглядывает? Я уже забыла. Ее запах держится на ковре и подлокотнике кресла, но вокруг тихо. Она, должно быть, уже ушла. Это хорошо. Нет чтобы поставить на место этот долбаный велосипед – да ни в жизнь. Блин. На самом деле мне не терпится сказать «О Господи», однако... э-э-э... Не хочу упоминать всуе Его имя.

Когда приходит Лорен, я укрываюсь в своем ящике. Там у меня есть пространство для мыслей. Всегда темно и хорошо. Бог наверняка не одобрит слов, которые я сейчас произнесу,

но... маленькие теды просто ужасны. Поди узнай, что они отчебучат в следующую минуту. А у Лорен, ко всему прочему, еще и какие-то *психологические проблемы*; в деталях я не разбираюсь, но, видимо, из-за этого она такая грубая и шумная. Кошки очень восприимчивы к звукам. Мы видим ушами и носами. Ну и конечно же, глазами, это само собой разумеется.

Мой ящик стоит на кухне у стены. Я прижимаюсь к холодной стенке ухом, но вой, думаю, доносится не оттуда. Тед опять навалил сверху всяких тяжестей, поэтому забраться внутрь я не могу. Неприятно. На белой доске рядом с холодильником Лорен накорябала неряшливые, пляшущие каракули. «Ла-ла-ла, – написала она. – Тед это Тед. А Оливия кошка». Какое ПРОНИЦАТЕЛЬНОЕ наблюдение. Так она далеко пойдет. Холодильник тихо урчит, из крана капает вода. Но у меня в ушах по-прежнему стоит звон, не имеющий ничего общего ни с тем ни с другим.

В жужжащей комнате все как положено. Шкафчики надежно заперты. За закрытой дверью я слышу мурлыканье машин. Мобильный телефон, ноутбук, принтер. Судя по этим звукам, они живые, и мне все кажется, что они вот-вот со мной заговорят, но они всегда молчат.

Этот тихий звук, напоминающий то ли звон, то ли резкий голос, все не стихает. От машин такого не бывает.

Я поднимаюсь вверх. Мне нравится взбираться по лестнице, от этого возникает ощущение какого-то улучшения. А

еще мне нравится спать на ступеньке в аккурат посередине пролета. Тогда возникает чувство, будто я плыву. Ковровая дорожка на лестнице черная, и я с ней отлично сливаюсь. Порой о меня спотыкается Тед. Он слишком много пьет.

Пока я обхожу комнаты, звук, кажется, не стихает, но и не нарастает. Странно. Дверь на чердак я обхожу стороной, можно сказать, десятой дорогой. Гнусное местечко. Затем становлюсь на задние лапы и тяну вниз ручку двери в спальню, которая громко щелкает и распаивается. (Люблю двери. Просто обожаю.) На кровати Теда с полдюжины мотков скотча. Он покупает его ярдами. И я понятия не имею, как он его использует. Я облизываю ленту. На вкус твердая и липкая. В ушах продолжает тихо жужжать *ииииииии*. Я злобно *рычу* от нетерпения. Мне показалось или звук действительно как будто пустой, металлический, словно идет из трубы?

В ванной подпрыгиваю вверх проверить краны. Они не издают ни звука, лишь эхом отражаются от стен мои собственные попытки. Я лижу металл и обнюхиваю грязь по краям раковины. Мой Тед – не очень чистый тед. И его ванная совсем не похожа на те, что показывают по телевизору.

Шкафчик стоит нараспашку. На полках коричневыми рядами выстроились пузырьки. Я провожу по ним кончиком хвоста и слегка толкаю. Они с грохотом валятся на пол, из горлышек во все стороны брызгают таблетки. Розовые, белые, голубые. Тед никогда их толком не закрывает, потому как на них есть защитные колпачки, которые у него не полу-

чается открыть в пьяном виде. Таблетки вперемешку лежат на грязных плитах. Из них пара штук угодили в лужу, оставшуюся после утреннего душа. От них в воде уже расходится розовое облачко. Я бью лапой по бело-зеленой капсуле, которая стремительно скользит по полу.

ИИИииииии. Высокий звук. Это же послание, я его знаю, причем у меня такое ощущение, что оно адресовано лично мне. Но выяснять это уже некогда, потому как пришло *ее* время.

Мы с Тедом связаны одной веревочкой, я о нем забочусь, как и велел Господь. Но понимаете, у меня есть жизнь и помимо него. Есть свои интересы. Ну хорошо, хорошо, не интересы, а интерес, только один. Теперь настало время для *нее*, это очень волнительно и заманчиво.

Я стремительно скатываюсь вниз по ступеням и мчусь к окну, огибая сзади диван подальше от розового велосипеда и оставляя за собой следы лап в пыли. Знаю, что успею, но все равно боюсь опоздать, не в состоянии что-либо с собой поделать. Однако круги света ложатся на стены *в аккурат* под нужным углом. Запрыгиваю на небольшой, зеленый, покрытый макраме столик. Если встать на задние лапы и немного потянуться вверх, можно заглянуть в дырочку и увидеть за ветвями небольшого дубка улицу. В воздухе за мной тянется серебристая, светящаяся веревочка.

Остальные дырочки сделаны на высоте тедова роста, и

мне до них не дотянуться. Для меня это единственная возможность выглянуть на улицу. Отверстие маленькое, размером, пожалуй, с двадцатипятицентовую монету. Мне видно совсем немного: кусок бугристого дубового ствола, несколько голых зимних ветвей, и за ними пара футов тротуара. Пока я смотрю, серое небо капитулирует и тихо ложится на землю снег. Тротуар постепенно исчезает под белым покровом, на каждой ветке застывает узкая белая кайма.

Это все, что мне известно об этом крохотном уголке мира. Думаете, я против? Думаете, тоскую, что не могу выходить на улицу? Ничуть. Там опасно. Мне и этого достаточно – до тех пор, пока у меня есть возможность видеть *ее*.

Надеюсь, Тед не передвинет столик с макраме. Что-что, а это он точно может. Тогда я бы точно взбеленилась, хотя терпеть не могу выходить из себя. Если она еще не пришла, я подожду. Это, конечно же, и есть любовь. Стойкость и терпение. Этому меня научил Бог.

Впереди нее шествует запах, сочась в воздухе, будто стекающий на тост мед. Своей грациозной походкой она заворачивает за угол. Как бы я ее описала? Она полосатая, будто припорошенный пылью тигренок. У нее желтые глаза цвета кожуры спелого яблока «голден», ну или мочи. Я в том смысле, что они просто прекрасны, как и она сама. Она останавливается и потягивается – то в одну сторону, то в другую, выпуская свои длинные, черные коготки. Потом быстро моргает, когда ей на нос опускаются снежинки. У нее из

ротика торчит что-то серебристое, вероятно, хвост. Небольшая рыбка типа анчоуса или сардинки. Мне всегда хотелось узнать, какая на вкус настоящая рыба. Мне достаются начос с сыром, остатки куриных наггетсов или же стейк с истекающим сроком годности из отдела «7-Eleven», где все продается со скидкой. А когда в животе действительно не на шутку заявляет о себе голод, мне приходится просить Мрака для меня поохотиться. (Я хоть и отвергаю любое насилие, но этот мир был создан не мной, поэтому раз надо, значит надо.)

«Надеюсь, твоя рыбка вкусненькая», – безмолвно шепчу я кошечке. Потом глажу лапкой фанерный лист. «Я люблю тебя». Ветер нарастает и переходит в стон, воздух плотнеет от кружащего в вихре снега, она уходит прочь черно-золотистой вспышкой. Представление окончено. Бог дал, Бог взял.

Увидев ее, я обычно люблю просто немного посидеть и подумать. Но тихий вой возвращается вновь, на этот раз уже громче. Я до боли и красноты расчесываю лапкой ухо. Разницы – никакой. Откуда этот звук, будь он неладен? *ИИИ-ИИОооиииииии*, и так без конца и края. Как я могу чем-то заниматься, когда в ушах стоит этот звон? Будто маленькие часы. Даже хуже, потому как у меня такое чувство, словно этот звук спрятался где-то внутри меня и больше никогда не прекратится. От этой мысли на душе становится неуютно. И о чем же этот набат возвещает? Что ждать от грядущего? Мне срочно нужно наставление.

Я иду к своей Библии. Да, теперь она моя, но раньше,

думаю, принадлежала матери Теда. Но она ушла и пока не вернулась, поэтому я не вижу ничего плохого в том, чтобы ею попользоваться. Тонкие страницы шелестят, как засушенные лепестки цветов. Золотистая обложка манит взор, то и дело приглашая бросить на нее искоса взгляд, будто под ней таится какой-то секрет. Тед держит ее на высоком столе в гостиной. Если честно, то ему от нее нет никакой пользы, потому как он никогда ее даже не открывает. Книга изрядно истрепалась, но мне, что ни говори, обязательно надо прочесть молитву.

Я запрыгиваю на стол рядом с книгой. Эта часть для меня сплошное веселье, потому как я постоянно чувствую, что вот-вот упаду. Дрожу и опасливо балансирую в воздухе. Затем лапкой подталкиваю ее к краю стола и сбрасываю вниз.

Она с громким стуком падает на пол и выворачивает наружу страницы. Я жду, зная, что это еще не все; через пару секунд дом содрогается, грохочет земля. Когда это случилось со мной в первый раз, я громко *мяукнула* и спряталась под диван. Но потом догадалась: это Он знаками дает мне понять, что я все делаю правильно.

Я спрыгиваю вниз, аккуратно приземляюсь на все четыре лапы, и Господь направляет мой взор на строки, которые мне, по Его замыслу, надо увидеть.

Возлюбленные! Будем любить друг друга, потому что любовь от Бога, и всякий любящий рожден от Бога и знает

*Бога*¹.

Справедливость этого высказывания повергает меня в трепет. Я люблю Теда, люблю мою кошечку, мой дом и мою жизнь. И считаю себя счастливой.

Если мне приходится по душе те или иные строки – наподобие приведенных выше, – я стараюсь их запомнить. Но удерживать в голове целые фразы – дело непростое. Это примерно то же самое, что опрокинуть на твердый пол чашу с шариками. Они сразу же разбегаются во все стороны, в темноту.

В действительности книга лишь ориентир. Думаю, что к кошкам Бог относится иначе и предпочитает говорить с нами напрямик. Мы видим мир совсем не как теды.

Я устраиваюсь на диване в круге света и нарочно поворачиваюсь к упавшей Библии спинкой, тем самым давая Теду понять, что я здесь совершенно ни при чем. Завывание немного стихло.

Но почему меня все еще не отпускает тревожное чувство? В чем может быть проблема? Строки из Библии – лучше не бывает. Так или иначе, но в жизни есть один фокус: если происходящее тебе не нравится, ложись спать и не просыпайся, пока все не прекратится.

¹ Первое послание Иоанна 4:7–8 (*прим. ред.*).

Тед

Все последнее время я думаю о том, что надо бы записать те или иные воспоминания о Мамочке. Так они не исчезнут, даже если меня не станет. Не хочу, чтобы ее забыли. Только вот выбрать из них какое-то конкретное не так-то просто. У большинства моих воспоминаний есть свои секреты, и для такой цели они попросту не подходят.

В голову приходит отличная мысль. А как насчет того дня у озера? В этой истории никаких секретов нет. Сначала я никак не могу отыскать ту штуковину для записи голоса, хотя уверен, что в последний раз видел ее на кухне. Наконец, устроив настоящую охоту, обнаруживаю ее за диваном в гостиной. Странно. Но, чтобы вы знали, так уж устроен мой мозг.

Итак, начнем. Вот откуда у меня впервые появилась любовь к птицам. Как-то летом мы отправились в поездку на озеро. Мне было шесть, воспоминаний о том времени у меня почти не сохранилось, но зато я помню свои ощущения.

В тот день Мамочка надела свое любимое темно-голубое платье. Оно трепетало на жарком ветру, со свистом влетавшем в комнату через треснувшее оконное стекло. Она высоко заколола волосы, однако из пучка выбивались непокорные прядки, метавшиеся по длинной белой шее. Папочка

сидел за рулем, и его шляпа в ореоле света напоминала черный горный кряж. Я лежал на заднем сиденье, задрав наверх ноги, и наблюдал, как в вышине проплывало небо.

– А можно мне завести котенка? – спросил я, затянув привычную в последнее время песню.

Вероятно, понадеялся, что, если заставить ее врасплох, она ответит иначе.

– Нет, Тедди, никаких животных в нашем доме не будет, – ответила она, – ты знаешь, как я отношусь к домашним питомцам. Держать в неволе живых существ просто жестоко.

Можно было сразу определить, что она нездеишняя. Мамочкин голос по-прежнему хранил едва заметные следы родных краев ее отца. Куцые, урезанные «р». Но еще больше об этом свидетельствовала ее манера держаться. Она будто постоянно ждала удара в спину.

– Папочка, – произнес я.

– Слушайся мать.

Я скривился, будто хотел заплакать, но так, чтобы никто не видел. Не хочу быть надоедалой. Я провел по воздуху рукой, сделав вид, что ощущаю под пальцами шелковистый мех и крепкую головку с любознательными ушками. Сколько себя помню, мне всегда хотелось котенка. Но Мамочка неизменно отвечала отказом. (Помимо своей воли, я до сих пор терзаюсь вопросами: может, она знала что-то такое, чего не ведал я? Может – багровой полосой на горизонте –

видела будущее?)

Когда мы подъехали ближе к озеру, в воздухе заструился запах глубокой воды.

Нам хоть и удалось прикатить пораньше, но побережье уже заполнили семьи, клетками шахматной доски на песке расстелив повсюду одеяла. Над зеркальной поверхностью тучами висели песчаные москиты. Яростное утреннее солнце впивалось в кожу не хуже укуса.

– Тедди, не снимай свою вязаную безрукавку, – сказала Мамочка.

Было жарко, но я знал, что с ней лучше не спорить.

Мы с папой играли в воде. Мамочка сидела в кресле, держа над головой голубой шелковый зонтик. На ветру по воде бежала рябь. Она не читала, лишь смотрела вдаль и пыталась разглядеть за лесом, землей и водой что-то такое, чего нам видеть было не дано. Со стороны казалось, что Мамочка то ли грезит, то ли следит за каким-то врагом. Теперь, оглядываясь назад, можно сказать, что она делала и то и другое.

На прилавке с сувенирами продавались крохотные брелоки для ключей, вырезанные из местной сосны. Просто чудесные, в форме собачек, рыбок и лошадок. Они тихо покачивались, глядя на меня деревянными глазками, серебристые колечки ловили лучи света. Я перебирал их сморщившимися от воды пальцами. И в самой глубине полки отыскал ее – безукоризненную кошечку, которая сидела идеально прямо,

сложив вместе лапки. Ее хвостик выгибался вопросительным знаком, ушки выглядели тонкими и изящными. Резчик здорово поработал над завитками и вкраплениями в древесине, дабы придать ей вид шелковистой шубки. Мне страх как захотелось ее заполучить. В груди возникло чувство, что мы попросту созданы друг для друга.

Мне на плечо легла Мамочкина рука.

– Положи на место, Тедди.

– Но она ведь не настоящая, – ответил я, – это всего лишь кусок дерева. Я мог бы взять ее домой.

– Идем, – сказала она, – пора обедать.

Она повязала мне на шею салфетку, протянула две небольшие баночки с бело-голубыми этикетками – в одной яблочное пюре, в другой морковное – и ложку. Я подумал, что все на меня пялятся, но ничего подобного, вероятно, не было и в помине. Другие ребята вокруг вовсю поедали хот-доги и сэндвичи. Мамочка перехватила мой взгляд.

– В них полно жира и консервантов, – сказала она, – а наш обед содержит полный комплекс питательных веществ. В этих баночках есть все необходимые тебе витамины. И стоят они совсем не дорого. Она говорила тоном медсестры, звучащим немного ниже ее обычного голоса, и чуть больше глотала согласные. Мамочка трудилась в больнице, приглядывала за больными детьми и поэтому знала, что говорит. Так что спорить с этим менторским голосом было

нельзя. Папочка с одной работы уже ушел, а на другую пока еще не устроился. Будто провалился в глубокую пропасть и теперь никак не мог из нее выбраться. Он без лишних слов ел свой рисовый пудинг со сливами. В его больших загорелых руках баночка казалась совсем крохотной. Затем он налил из термоса кофе.

Рядом с нами нетерпеливая краснолицая женищина кормила ребенка. На баночке красовалась бело-голубая этикетка. В приступе ледяного ужаса я увидел, что ее чадо ест тот же протертый рис, что и мой отец.

– Брось, – сказал я ему, – люди увидят!

Мамочка посмотрела на меня, но никак не прокомментировала мои слова, а лишь обратилась к папе и спокойно сказала:

– Доедай.

После обеда она аккуратно сложила баночки в термобокс и произнесла:

– Тедди, ты знаешь, откуда твоя Мамочка родом?

– Локронан, – ответил я, – это в Бретани. Во Франции.

Это все, что я знал. Мамочка никогда не говорила о своих родных краях.

– В моей деревне был один мальчонка.

Мамочка посмотрела на озеро и дальше, казалось, стала разговаривать уже не со мной.

– Его родители умерли от страшного гриппа, который прошел по Локронану, как нож сквозь масло. Мы делились

с ним чем только могли. Только вот у нас и самих было совсем немного. Он спал в нашем амбаре с овцами и ослом. Его имени я уже не помню. В деревне его звали Пемок'хом – в переводе с бретонского это означает «кабанчик» – потому что он ночевал в хлеву вместе со свиньями. Каждое утро Пемок'х подходил к двери нашей кухни, я давала ему стакан молока и полбуханки хлеба. А иногда, по воскресеньям, жир, остававшийся после приготовления говядины. На следующее утро он приходил опять. Я давала ему объедки со стола. Ботву молодой репы, битые яйца. Благодарил он меня всегда трижды. *Trugarez, trugarez, trugarez.* Мне никогда этого не забыть. Порой он был так голоден, что у него дрожали руки. За эту скудную еду он целыми днями работал в поле у моего отца. Долгие годы. И благодарил всегда от чистого сердца. Этот мальчонка знал, что такое человеческая признательность. И знал, насколько ему повезло.

Она встала и сказала:

– Теперь мне полагаются законные полчаса.

Папочка кивнул. Она ушла – в синем платье на фоне голубого неба. Мамочке никогда не бывало жарко.

Несмотря на кофе, Папочка крепко уснул, глубоко надвинув на лицо шляпу. Спал он теперь чуть ли не постоянно. Со стороны могло показаться, что каждая минута бодрствования истощает его силы. Краснолицая женищина не сводила с нас глаз. На нашу троицу она обратила внимание, еще когда кормила обедом ребенка. Я представил, что она так

покраснела лицом оттого, что жутко обварилась кипятком, и жить ей осталось всего ничего. Всеми силами желал ей смерти, но день по-прежнему лишь клонился к закату. У дальнего берега озера, где линия роста деревьев подходила вплотную к кромке воды, затеяли свои игрища чирки. Папочка храпел. Когда его оставляли со мной, ему не полагалось спать.

Незадолго до этого на озере пропал мальчонка. Порой сюда на выходные привозили воспитанников детских домов. А может, привозят и сейчас. Вечером мальчик не пришел к автобусу. Время от времени я представлял, что с ним произошло, и тогда по моему телу радостно бежали мурашки. Он мог погнаться за красивенькой красной птичкой или же за ланью, забрел туда, где в озере было уже глубоко, а когда оступился и упал в холодную воду, рядом не оказалось никого, кто мог бы его услышать. Или же блуждал под громадной зеленой лесной сенью, пока весь его разум не позеленел, пока сам он не растворился в пестром свете, превратившись из мальчика во что-то еще. Впрочем, скорее всего он попросту вернулся в город автостопом. Все говорят, что от него были одни неприятности.

— Держи, Тедди.

Мамочкина рука лишь слегка коснулась моей головы, но я ахнул и вздрогнул, будто она меня ударила. Она вложила мне что-то в руку, и когда через миг у меня прошло вызванное солнцем ослепление, я увидел, что это такое. На моей

ладони с явным удовольствием выгнула спинку крохотная кошечка.

Неистовый прилив радости был практически болезненным. Я погладил ее пальцем и сказал:

– Ух ты! Киса... Котенок!

– Нравится? – В ее голосе слышалась улыбка.

– Просто чудо, – сказал я, – как же здорово за ней будет ухаживать.

Но тревога струилась сквозь мою радость, как по вене.

– Ты дорого за него заплатила?

Я знал, что на тот момент мы были бедны, как знал и то, что знать мне этого не полагалось.

– Да так... – ответила она. – Не переживай, ради всего святого. Ты ее как-нибудь назовешь?

– Ее зовут Оливией, – сказал я.

Мне это имя казалось загадочным и стильным, для деревенного котенка как раз что надо.

Ее небольшое мотовство, казалось, подняло всем настроение. Я играл с Оливией и больше не думал о том, что о нас подумают окружающие. Мамочка что-то мурлыкала себе под нос. Даже Папочка и тот улыбался и кривлялся на ходу, делая вид, что наступает на шнурки своих ботинок, и падая в песок.

Поскольку Мамочка взяла за правило извлекать из поездки максимальную пользу, мы тянули резину до тех пор, по-

ка не разъехали практически все остальные. Тени становились длиннее, солнце все больше заглатывали холмы. Когда мы стали собираться, в сумерках уже носились летучие мыши. Машина впитала в себе я весь дневной зной и раскалилась как печка. Чтобы я мог сесть на обжигающее заднее сиденье, папе пришлось прикрыть его полотенцем. Я аккуратно положил Оливию в карман штанов.

– Утром за рулем был ты, – сказала Папочке Мамочка, – а теперь поведу я. Чтобы все было по-честному.

Папочка погладил ее по щеке и сказал:

– Из всех женщин ты просто королева.

Она улыбнулась. Ее взгляд был все такой же отстраненный. Только несколько лет спустя я заметил, что она никогда не разрешала папе садиться за руль после полудня, когда он прикладывался к термосу с кофе и изображал смешную походку.

Машина с урчанием пронзала опускавшуюся ночь. Я был счастлив. Повсюду царили тишина и покой – как в моей душе, так и снаружи. В такой безопасности себя могут чувствовать только дети; теперь мне это доподлинно известно. Меня, пожалуй, сморил сон, потому что пробуждение, неожиданное и резкое, было сродни подзатыльнику.

– Мы что, уже дома? – спросил я.

– Нет, – ответила Мамочка.

Я сонно поднял голову, посмотрел по сторонам и по лучам фар понял, что мы съехали с дороги и остановились на

грязной обочине. Там не было ни других машин, ни людей. По ветровому стеклу елозили огромные листья папоротника, напоминавшие страусиные перья. За ними, источая запахи и издавая звуки, беседовали между собой деревья, в воздухе жуужжали ночные насекомые.

– У нас что, сломалась машина? – спросил я.

Мамочка повернулась и посмотрела на меня.

– Выходи, Тедди.

– Что ты делаешь? – В голосе папы послышался страх, хотя тогда я этого еще не понимал. И знал лишь, что его тон внушал мне к нему отвращение.

– Ты спи, спи, – сказала Мамочка.

Затем обратилась ко мне и добавила:

– Давай, Тедди, прошу тебя.

Снаружи воздух казался твердым – будто по щеке провели влажной ваткой. В навалившейся тьме я почувствовал себя совсем маленьким. Но какая-то другая часть моего естества посчитала захватывающим оказаться ночью с Мамочкой в лесу. Она ничего не делала так, как остальные. Мамочка взяла меня за руку и повела прочь от машины, от света, под сень деревьев. Со стороны казалось, будто ее тусклое в ночи платье парит во мраке. Она напоминала морскую русалку, плывущую над океанским дном.

В лесу даже то, что было знакомо, выглядело странно. Несмолкаемая капель ночи превратилась в зябкую барабанную дробь тюремного каземата. Когда ветки деревьев изда-

вали скрип, казалось, что это разминает свои чешуйчатые члены великан. Цеплявшиеся за рукава побеги превращались в костлявые пальцы, вполне возможно принадлежавшие существу, которое когда-то было мальчиком, но потом заблудилось в зеленом свете, да так и не вернулось. Я испугался и сжал Мамочкину руку. Она в ответ сжала мою.

– Сейчас, Тедди, я покажу тебе что-то очень важное.

Она говорила совершенно нормальным голосом, будто общалась, с чем сегодня будут сэндвичи, и от этого мне стало лучше. Когда глаза привыкли к темноте, мне показалось, что весь этот полумрак пронизан каким-то сиянием, будто сам воздух пропитался светом.

Мы остановились под громадной пихтой.

– Здесь будет в самый раз, – сказала она.

За поскрипывавшими на ветру деревьями я по-прежнему видел слабые отблески наших фар.

– Сегодня я купила тебе кошечку, – сказала Мамочка.

Я кивнул.

– Она тебе понравилась?

– Да.

– Очень?

– Большие даже, чем... чем мороженое, – прозвучал мой ответ.

Я не знал, как объяснить ей то, что чувствовал к крохотной деревянной кошечке.

– А чего ты хочешь большие – ее или чтобы папа нашел

себе работу? – спросила она. – Отвечай. Только правду.

Я немного подумал и прошептал:

– Ее.

– Ты помнишь ту больную раком девочку, за которой я ухаживаю в больнице? Чего ты хочешь большие – чтобы она поправилась или твою кошечку?

– Чтобы поправилась девочка.

Только так и никак иначе. В противном случае я был бы самым противным и подлым мальчишкой.

Она положила мне на плечо холодную руку и сказала:

– Не ври.

В горле возникло ощущение, будто туда натыкали кучу ножей. Я один-единственный раз кивнул головой и ответил:

– Я большие хочу кошечку.

– Хорошо, – промолвила она, – ты честный мальчик. Теперь доставай ее из кармана и клади на землю, вот сюда.

Я осторожно положил кошечку на заросли мха у подножия дерева. Мне было невыносимо расстаться с ней даже на минуту.

– Теперь возвращаемся к машине и едем домой, – сказала Мамочка и протянула мне руку.

Я хотел было поднять Оливию, но Мамочкины пальцы обвили мою руку не хуже наручников.

– Нет, – возразила она, – она останется здесь.

– Но почему? – прошептал я.

Мне подумалось, как холодно и одиноко будет ей в этой

тьме, как ее намочит дождь, как она будет гнить, как белки будут грызть ее прекрасную головку.

– Это урок, – сказала Мамочка, – потом будешь меня благодарить. В этой жизни все лишь репетиция перед потерями. Но знают об этом только те, кто умен.

Она потащила меня обратно через лес к машине. Мир представлял собой черный морок. Я плакал так, что еще немного, и мое сердце разорвалось бы на части.

– Я хочу, чтобы ты почувствовал, какая нужна сила отказаться от того, что любишь. Разве ты не чувствуешь, что стал после этого сильнее?

Когда колющие звезды фар стали ближе, я услышал, как хлопнула дверца машины. От отца пахло потом и – как мне тогда казалось – сливовым пудингом. Он крепко прижал меня к себе.

– Куда вы ходили? – спросил он Мамочку. – Что происходит? Он плачет!

Папа повернул мое лицо в одну сторону, затем в другую, дабы увидеть, нет ли на нем ушибов и ран.

– Нечего устраивать истерики, – сказала Мамочка, и в ее голосе опять пробила медсестра, – мы хотели найти сову. Они здесь как раз гнездятся. Потом Тедди уронил этот брелок для ключей в виде кошечки, и в темноте мы не смогли его найти. Отсюда и ручьи слез.

– Ах ты мой малыш, – произнес Папочка, – подумаешь, велика беда!

Его объятия ничуть не утешали.

Я больше никогда не просил котенка. Сказал себе, что он мне больше не нужен. И если бы любил его, то все равно пришлось бы оставить его в лесу. Или когда-нибудь он умрет – что почти то же самое.

Так что к своему уходу Мамочка стала готовить меня много лет назад. Теперь я понимаю ее лучше. Сам стал отцом и знаю, как страшно за ребенка. Думая о Лорен, я порой чувствую, что буквально свечусь от страха, как лампочка.

По возвращении домой Мамочка отвела меня в ванную и нежно осмотрела с ног до головы. Обнаружила на икре царапину, из которой выступила красная кровь, и заклеила пластырем из своей аптечки. Ломать меня, а потом чинить, снова и снова – вот какой была моя мать.

На следующий день Мамочка установила во дворе несколько кормушек для птиц, в том числе и шесть проволочных для привлечения мелких пернатых, подняв их высоко на шестах, чтобы до них не могли добраться белки. В те, которые стояли на земле, разложила сыр, в деревянные садки насыпала зерна, в пластиковые трубки семян подсолнуха, на нитках подвесила кусочки жира и каменной соли.

– Птицы – потомки великанов. – сказала она. – Давным-давно землей правили они. А когда все пошло наперекосяк, сделались маленькими, ловкими и научились жить на верхушках деревьев. Пернатые – это пример выносливости. И они, Тедди, настоящие, дикие существа, куда лучшие како-

го-то брелока для ключей.

Поначалу мне было страшно заботиться о них и кормить.

— Ты их у меня отнимешь? — спросил я Мамочку.

— Как я могу их у тебя отнять? — удивленно ответила она. — Они тебе не принадлежат.

И я понял, что она хочет показать мне нечто такое, что можно любить без всякой опаски.

Все это, вполне естественно, случилось еще до той истории с мышонком — до того, как Мамочка стала меня бояться. Теперь Убийца отнял у меня птиц, хотя она говорила, что это невозможно.

Я расстроился и был вынужден остановиться.

Все это произошло за пятнадцать лет до того, как на озере, на этом самом берегу, пропала Девочка с фруктовым мороженым. Озеро, Девочка с фруктовым мороженым, Убийца птиц. Я не люблю думать, что все это как-то взаимосвязано, однако события имеют обыкновение своими отголосками отражаться друг на друге. В конце концов, и в этой истории тоже могут быть секреты. И мне это не нравится.

Ди

Это случилось на второй день отпуска. По дороге из Портленда папа пару раз свернул не туда, но когда в воздухе запахло водой, они поняли, что опять едут правильно.

Лучше всего Ди помнит мельчайшие подробности; фруктовое мороженое в руке Лулу, липкой зеленью стекавшее на ее пальцы, деревянную палочку, елозившую по ее собственному пурпурному языку. Песок в туфельках, песок в шортах, что ей совсем не нравилось. По соседству на одеяле лежала другая девушка примерно ее возраста, с которой она пересеклась взглядом. Та закатила глаза и сунула в рот палец, сделав вид, что ее сейчас стошнит. Ди захихикала. От всех этих семейств сплошные неудобства.

К Ди подошла Лулу. Ремешки на ее белых шлепанцах перекрутились.

– Помоги мне, пожалуйста, Ди Ди.

Обеим сестрам достались мамины глаза – болотно-зеленые, с вкраплениями карего, большие и обрамленные черными ресницами. Увидев обращенный на нее взор Лулу, она заметила в нем знакомое признание беспомощности. Потому что понимала, что ценят ее меньше.

– Конечно, – сказала Ди, – ты ведь ребенок, хотя и большой.

Лулу взвизгнула и стукнула ее по голове, однако Ди все

равно привела в порядок ремешки, надела шлепанцы на ноги сестры, скорчила рожицу, и они опять превратились в подружек. Ди взяла ее с собой к фонтанчику для питья, но Лулу это не понравилось, потому что вода там оказалась с привкусом карандашей.

– Давай угадывать мысли, – предложила Лулу.

Этим летом это стало ее новой затеей. В прошлом году они изображали из себя пони.

– Отлично, – ответила Ди.

Лулу отошла на десять шагов в сторонку, чтобы сестра не могла ее услышать. Затем, не сводя глаз с Ди, сложила ладони чашечкой и увлеченно что-то прошептала.

– Что я сказала? – спросила она. – Ты что-нибудь слышала?

Ди подумала и медленно произнесла:

– Похоже, что да.

– Что именно, Ди Ди?

Лулу чуть ли не тряслась, жаждая услышать ее ответ.

– Странно. Я просто стояла здесь, занималась своими делами и вдруг услышала, как прямо мне в ушко прошептал твой голосок: «Со мной одна морока, а вот моя старшая сестра Ди лучше всех».

– Неправда! Я этого не говорила!

– Странно, – сказала Ди, – а я слышала именно так.

– Так нечестно! – воскликнула Лулу, готовая вот-вот расплакаться. – Ты играешь не по правилам!

Ди обняла ее, почувствовала тельце сестры, ее косточки, ее нежную, нагретую солнцем кожу. Открытый затылок и темные, шелковистые, короткие, как у мальчика, волосы. Лулу терпеть не могла, когда ей напекало голову. Этим летом хотела обрить ее наголо, и маме стоило огромных трудов выиграть это сражение.

Ди пожалела, что подначивала сестру, и сказала:

– Я просто сглупила. Давай попробуем еще раз.

Затем поднесла к губам руки и ощутила ладонями собственное теплое дыхание.

– Мне нравится новый джинсовый комбинезон, который я купила на распродаже, – прошептала она, – но носить его можно будет только осенью, потому что сейчас для такой одежды слишком жарко.

Ди представила, как ее слова вплывают в ушки сестре. И попыталась все сделать как надо.

– Ты думаешь о школе танцев, – сказала Лулу, – мечтаешь о ней. И считаешь, что мама с папой вредные.

Ди опустила руки и медленно произнесла:

– Я так не считаю.

– Я прочла твои мысли, – возразила Лулу, – прошепчи что-нибудь еще, Ди Ди.

Ди опустила губы в теплую чашечку ладоней.

– Ты думаешь о своем однокласснике Греге, – произнесла Лулу, – и хочешь целоваться с ним взапрос.

– Я так и знала! – с нарастающей в душе яростью восклик-

нула Ди. – Ты читала мой дневник! Ах ты маленькая дрянь, вечно суешь нос в чужие дела!

Если Лулу расскажет маме с папой о Грее, они просто взбесятся. А может, даже передумают отпускать ее учиться. В сентябре Ди предстояло приступить к занятиям в Тихоокеанской балетной школе, но для этого надо было вести себя хорошо – выбросить из головы мальчиков, получать приличные оценки, вовремя приходить вечером домой и приглядывать за младшей сестрой.

– Не надо, Ди Ди, – попросила Лулу, – не кричи на меня.

Ее голос взлетел на октаву вверх, теперь она звучала как ребенок гораздо младше ее по возрасту и понимала, что зашла слишком далеко.

– Надо же! Возвращайся к маме с папой. Я даже не знаю, с какой стати пытаюсь с тобой...

– Но я еще не хочу к ним! Хочу пить, хочу потискать котенка...

– Воды ты попила, а никаких котят здесь нет, – сказала Ди.

Но в этот миг подумала, что видела торчащий вопросительным знаком черный хвост, исчезнувший за урной для мусора. Черные кошки, говорят, не к добру. Или наоборот?

Лулу подняла на сестру широко распахнутые глаза и тихо сказала:

– Не злись.

Они молча пошли обратно. Лулу вложила свою ладошку в руку Ди, та взяла ее, потому как вокруг было много наро-

ду, но держала едва-едва и не стала отвечать, когда сестренка ее пожалала. Лулу горестно скривила личико. От ее обиды Ди стало хорошо. У нее в груди гулко билось сердце. Она думала о дневнике, который хранила в вентиляционном отверстии в полу. Каждый раз, убирая дневник, она привинчивала крышку обратно. Лулу, наверное, долго его искала. Должно быть, взяла из папиного набора инструментов отвертку, отвинтила крышку, прочла дневник и завинтила обратно... От этой мысли Ди захотелось шлепнуть сестру, увидеть, как та заплачет. Ведь если Лулу захочет, то может *разрушить* ее жизнь.

С пяти лет Ди мечтала учиться в Тихоокеанской балетной школе. А чтобы добиться согласия родителей, она потратила еще одиннадцать. Там учились и мальчики, и девочки. Жить Ди предстояло в студенческом общежитии. Стоило ей упомянуть об этом обстоятельстве, как родители буквально исходили тревогой. Ди почти могла разглядеть в их глазах надежду на то, что этому что-нибудь да воспрепятствует. И ее поведение послужило бы отличным предлогом.

– Я ничего не скажу, Ди Ди, – произнесла Лулу, – клянусь. И читать его больше не буду.

Но Ди покачала головой. В конечном итоге Лулу все равно расскажет. Может, даже непреднамеренно, но это не важно. Так уж она была устроена. Ди придется схоронить дневник в первом попавшемся мусорном баке, а потом сказать, что Лулу все выдумала. Она надеялась, что этого будет достаточно.

Лулу устроилась в тени зонтика у маминых ног. Та дремала, прижимая к груди журнал. Папа сидел в полосатом шезлонге и читал книгу, то и дело потирая глаза. Он тоже устал и клевал носом.

Лулу сложила бантиком губки, взяла ведро с совочком и стала копать в песке.

– Какой я красивый камешек нашла, – заявила она, – Ди Ди, хочешь я тебе его подарю?

И протянула его сестре, в ее глазах плескалось беспокойство.

Ди не обратила на нее внимания.

– Можно мне искупаться? – спросила она отца.

– Полчаса, – ответил он, – если к этому времени не вернешься, я зову копов.

– Отлично, – сказала Ди, повернулась и для проформы закатила глаза, хотя на самом деле была удивлена.

Отец, должно быть, вконец выбился из сил, потому как обычно не оставлял ее без присмотра.

– Не торопись, Далила, – крикнула ей вслед мать, – возьми с собой сестру.

Ди уже отошла на достаточное расстояние, дабы прикинуть, что ничего не слышит, и зашагала дальше по лабиринту из цветных полотенец, пляжных зонтов и ветрозащитных щитов, чем-то напоминавших живую изгородь. Она не знала, кого или что ищет, и лишь понимала, что ей, дабы что-то эдакое могло произойти, надо остаться одной.

Ди старалась двигаться сквозь толпу будто в танце. И в каждый шаг, который делала, вкладывала определенный такт. В конце семестра Ди в своем балетном классе станцевала партию Гусеницы из «Алисы в Стране чудес». И до сих пор помнит, как изменились каждое *па* и *шене*, каждый *арабеск* и *девелоппе*, когда она действительно почувствовала себя гусеницей. Поэтому сейчас каждый сделанный ею шаг представлял собой танец, в конце которого ее ждала великая любовь. Девушка представляла, как на нее, когда она проходила мимо, смотрят окружающие (мальчики), хотя и не видела обращенных на нее взглядов. Представляла, о чем они думают. Какие длинные и шелковистые у нее волосы, как она внешне отличается от других девушек, как загадочна, словно таит в себе какой-то секрет. Все это она воображала с такой силой, чтобы никакие другие мысли не лезли ей в голову, например о ее слишком большой заднице и необычной форме подбородка.

Она направилась к береговой линии и села на влажный песок у кромки воды. На мелководье покачивалась на волнах флотилия карапузов в нарукавниках. Дальше, у буйков, в неподвижной глади озера отражались деревья и небо – темным, перевернутым совершенством. Ди представила, что там, прямо под гладкой, зеленой поверхностью, затаились чудища. Где-то жарили гамбургеры, в воздухе стоял их запах, и Ди скорчила физиономию, всем своим видом говоря «Фу!». На тот момент ее пунктиком было отвращение к еде,

и ей представлялось важным и дальше продолжать в том же духе, хотя бы для самой себя. Балерины гамбургеров не едят.

– Привет.

Над ней угрожающе нависла длинная тень. Затем шаркнула по песку, села и приобрела человеческие размеры. Парень. Стройный, с копной желтых волос на голове. И барашками белого крема на бледной коже.

– Привет, – ответила Ди.

Ему было не меньше девятнадцати. Она вдруг почувствовала, что у нее вспотели ладони, а сердце в груди застучало сбивчиво и нервно. И о чем они будут говорить?

– Меня зовут Тревор, – сказал он и протянул руку.

Это выглядело полным идиотизмом, и Ди ухмыльнулась, но заодно испытала в душе облегчение, потому что парень сразу перестал казаться ей чужим. Мама назвала бы его «хорошо воспитанным».

Ди приподняла бровь, чему научилась совсем недавно.

– Ну и как жизнь?

Руки ему она не подала.

Тревор залился румянцем и вытер ладонь о шорты, будто собирался сделать это с самого начала.

– Нормально. Ты здесь с родаками?

– Мне удалось от них отделаться, – ответила Ди, пожав плечами.

Он улыбнулся, будто ее шутка пришлась ему по душе.

– И где же они?

– Вон там, у поста спасателей, – сказала она и махнула рукой, – они спали, а мне стало скучно.

– В смысле родители?

– Ага, и младшая сестра.

– Сколько ей?

– Шесть, – сказала Ди.

Говорить о семье ей больше не хотелось.

– Где учишься?

– В Вашингтонском университете, – ответил он.

– Супер.

Значит, он студент колледжа.

– А я в Тихоокеанской балетной школе, – сказала она.

Почти что правда.

– Ух ты, – произнес он, и Ди увидела, что его взгляд потеплел от вспыхнувшего в глазах интереса.

Она давно поняла, что балерины парням нравятся. Очень женственные и загадочные.

– Хочешь мороженого? – спросил Тревор.

Ди подумала, пожала плечами, встала и отряхнулась от пыли.

Тревор тоже поднялся на ноги и сказал:

– Э-э-э... Там у тебя... Сзади на шортах.

Ди повернула голову и посмотрела. На белой джинсовой ткани темнело пятно.

– Должно быть, села на что-нибудь, – сказала она, сняла футболку и повязала ее на поясе, – ты иди, я тебя догоню.

А сама бросилась к женскому туалету, куда выстроилась очередь. Все брали с собой детей, порой сразу троих зараз, и каждому надо было справить нужду. Это занимало уйму времени. Ди чувствовала, что с каждым мгновением все становится хуже и хуже. По внутренней стороне бедра улиткой поползла струйка крови. Она схватила горсть бумажных полотенец и приложила к ноге. Потом наконец обратилась к крупной, потной женщине, стоявшей впереди.

– Э-э-э... У вас, случайно, нет гигиенической прокладки?

Дама вперила в нее взгляд и сказала:

– Вон на стене висит торговый автомат.

Ди вышла из очереди и подошла к аппарату. Тот принял только четвертаки. У нее же был доллар с парой монеток по десять центов.

– Кто-нибудь не разменяет мне доллар?

– А где твоя мама? Почему она о тебе не позаботилась? – сказала дама с краснолицей малюткой на плече.

– Кто-нибудь разменяет мне доллар? *Ну пожалуйста!*

Она подпустила в голос сарказма и немного злости, дабы все увидели, что еще чуть-чуть и из ее глаз брызнут слезы.

Какая-то леди с белокурым каре на голове протянула ей четыре четвертака. Но аппарат оказался неисправен, и монеты снова и снова со звоном падали в лоток для возврата. Ди несколько раз моргнула, дабы не расплакаться, и вернула их даме.

Она как могла помылась. Затем на глазах женщин в очере-

ди ополоснула в раковине шорты. Боже правый, она же просто в купальнике, как и все остальные. А футболка на поясе все прикрыла, так что порядок. Ди вернулась в очередь и стала ждать.

Когда она подошла к лотку с мороженым, Тревора там не оказалось. Девушка решила на пару минут там задержаться, хотя и понимала, что он уже не придет. Может, она слишком долго возилась в туалете и он попросту сдался. Хотя скорее всего не захотел покупать мороженое девушке, которая даже не знает, когда у нее месячные.

Ди бросила футболку на берегу и мимо карапузов с нарукавниками вошла в озеро. Сначала по колено, затем вода дошла ей до бедер, а там и до пояса. Теперь она почувствовала себя в безопасности, она спряталась. В дневной зной холодная озерная вода внезапно ударила ее своей тяжестью, от чего по спине поползли мурашки. Ди провела пальцами по встревоженной зеркальной поверхности, подлинной шкуре воды. Озеро ворочалось вокруг нее, как медлительный зверь. Она зашла глубже, пока вода не дошла ей до подбородка и легкое течение чуть не оторвало ее ноги от каменистого дна. Теперь, на фоне холодной воды, солнечных лучей и летней толпы на берегу, гул которой несся над водой, нагоняя жуть, боль внизу живота почти даже доставляла ей удовольствие. Ей вдруг стало глубоко все равно, что не вернулся тот парень. Ее тело, похоже, прекрасно чувствовало себя наедине с самим собой. В последнее время ее завораживали соб-

ственные настроения. Организм вел себя удивительно и как-то по-новому, словно друг, которого ты еще не успел толком узнать. Боль и наслаждение заявляли о себе новыми гранями. Она будто стала историей, которая разворачивалась каждую минуту. В прохладной неге озера Ди закрыла глаза. Все это происходило с ней здесь и сейчас.

По щеке девушки скользнуло что-то гладкое. Снова и снова, будто играючи. Ди открыла глаза. В поле зрения заструилась бело-серая чешуя. Она затаила дыхание. Тело змеи оставалось под водой, но голову она подняла и держала над водой, словно лебедь. Пресмыкающееся кружило вокруг девушки, с любопытством ее разглядывая. Один раз, проплывая мимо, слегка коснулось ее руки, по всей видимости привлеченное теплом человеческого тела. К какому виду принадлежала эта змея? Ди попыталась привести свой вибрировавший мозг в действие. Похожа на щитомордника, но они здесь не водятся. В голову настойчиво лезла еще одна мысль, и девушке приходилось прилагать массу усилий, чтобы ее туда не пускать. *Гремушая змея.* В этот момент она поняла, что слева от нее перископами торчат еще две головы, а то и три или четыре. Целая куча, возможно выводок. Молодые, хотя уже зрелые змеи, и большая, взрослая особь, почтенного возраста, с широкой, безгубой улыбкой. Сколько именно их было, она сказать не могла – сердце замерло у нее в груди. Тупая голова грациозно метнулась к ее лицу. Ди закрыла глаза и подумала: «Все, конец». А потом стала ждать, когда

в нее своими острыми, ядовитыми клыками вопьется прово-
нявшая падалью пасть. Ей показалось, что ее челюсть легким
поцелуем обжег чей-то язык. В ушах ударами грома билась
жизнь. Борясь с течением, она старалась неподвижно заме-
реть на месте, превратиться в камень, в неживую материю.
Что-то коснулось плеча, будто медленно погладило.

Она не знала, сколько так простояла – время сначала рас-
тянулось, потом кануло в небытие. А когда наконец открыла
глаза, перед ней простиралась зеркальная гладь воды, на ко-
торой больше ничего не было. Вполне возможно, они ушли.
А может, незримо обвилились под водой вокруг рук и ног. Их
прикосновения она будто чувствовала всем своим телом. Ди
безудержно затряслась, голову напекло яркое солнце. Под
ней подогнулись колени, она ушла под воду, попыталась сде-
лать вдох, и ей в рот будто залили олова. Ди повернулась и
побрела к берегу. Вода хватала ее за ноги, убийственно за-
медляя каждый шаг. Она до сих пор чувствовала, как змеи,
как рождественские гирлянды, оплетают ее конечности.

Ди дошла до берега, пропахала, будто плугом, ногами в
воде борозду, и на нее вновь обрушился вес собственного
тела. Она пошатнулась и упала. Как же приятно было лежать
боком на песке. Она свернулась в клубок и заплакала, ни-
кем не замеченная среди безудержно носившейся, обгорев-
шей на солнце ребятни.

Девушка медленно потащилась обратно, минуя одеяла и
зонты. В воздухе витал запах раскаленного сахара, в лодыж-

ки впивался песок. Часов у нее с собой не было, но она знала, что прошло явно больше получаса. Теперь ей хотелось только одного – вновь обрести надежное пристанище в кругу семьи. Мать задрожит, расплачется и прижмет Ди к себе. Лулу испугается, но и придет в возбуждение, спрашивая снова и снова: «Сколько тебя окружило змей? А какие они были?» Отец придет в ярость, будет вопрошать, чем вообще занимаются спасатели, а она будет греться в жарком пылу его гнева, зная, что ее окружили заботой. И все случившееся превратится в историю, которую потом они все порой будут рассказывать приглушенными голосами. *А помните, как на Ди Ди напали змеи?* История эта заживет своей собственной жизнью, и от нее в теле больше не будет холодеть каждая кость.

Даже издали Ди увидела, что родители будто белены обвелись. Мама вопила, папа орал. Рядом виднелась пара спасателей, еще несколько человек переговаривались с кем-то по рации. Ди съежилась от страха, сбитая с толку. Боже правый, она ведь опоздала совсем чуть-чуть.

Подойдя ближе, девушка услышала слова отца:

– Я ведь только на минуту уснул. Всего на одну минуту.

Ди подошла к одеялу и села в тени.

– Мам? – сказала она. – Прости, что...

– Ди, прошу тебя, помолчи. Отец лишь пытается заставить всех этих людей *сделать* хоть что-то.

У мамы дрожали губы. По лицу черной кровью стекала тушь. Она вдруг вскочила на ноги и заорала:

– Лулу!

Соседи повернули в их сторону головы.

– Лулу! – опять завопила мать.

– У нее короткие волосы... – вновь и вновь повторял отец. – Ее часто принимают за мальчика. Она не хочет их отращивать.

Ди поняла две вещи: во-первых, никто не заметил, сколько она отсутствовала, а во-вторых, нигде не было видно Лулу. Девушка вздохнула и завела за ухо прядку волос. От боли внизу живота ей совсем поплохело. В груди шевельнулось неприятное чувство. Лулу опять устроила спектакль. Теперь никто уже не утешит Ди и не избавит ее от истории со змеями.

По мере того как этот долгий, жаркий день близился к вечеру, приходили все новые люди, в том числе уже настоящие полицейские.

– Лаура Уолтерс, уменьшительное Лулу... – говорил каждый из них в рацию, а потом они стали повторять то же самое всем на берегу через громкоговоритель на шесте у стойки с хот-догами. – Лаура Уолтерс, шесть лет, каштановые волосы, светло-карие глаза, джинсовые шорты и красная майка на лямках.

И только уже в сумерках, когда опустел парк, до Ди стало доходить, что в этот день Лулу они не отыщут. А чтобы понять, что она больше не найдется никогда, времени понадобилось гораздо больше. Она ушла незнамо куда и неизвестно

с кем и так и не вернулась.

Несколько недель спустя за много миль оттуда семья из Коннектикута в ворохе своих пляжных принадлежностей наткнулась на белый шлепанец. Ни одна живая душа не могла сказать, как он там оказался и принадлежал ли вообще Лулу. Шлепанец побывал в прачечной вместе с их одеждой.

Теперь Лулу было бы семнадцать. Нет, *никаких «бы»*, поправилась Ди, – Лулу *сейчас* семнадцать.

«Какой я красивый камешек нашла», – это была последняя фраза, сказанная Лулу сестре. Бывали дни, когда Ди не могла думать ни о чем, кроме этого камешка. Как он выглядел? Каким был – гладким или шероховатым, серым или черным, острым и угловатым или же помещался в ладошку Лулу отполированным кругляшом? Теперь Ди этого уже никогда не узнать, ведь в тот момент она встала и отошла, даже не бросив на него взгляд.

В надежде хоть на какие-то новости семейство Уолтерсов целый месяц оставалось в Вашингтоне. Но делать им там было нечего, а папин начальник уже терял терпение. В итоге они возвратились обратно в Портленд. Без Лулу дом казался странным. Ди никак не могла запомнить, что стол нужно накрывать на троих, а не на четверых, от чего мама постоянно плакала.

Вскоре та ушла. Ди знала, что маме невыносимо видеть в ней бледную копию пропавшей дочери. Она сняла с текуще-

го счета все деньги и ушла. Ди не могла ее в этом винить, хотя отца обуревали совсем другие чувства. Потом произошло еще одно событие.

Накануне вечером с неба тихо сыпал снег, больше похожий на пепел. Отец в гостиной внизу сооружал модель самолета. Ноздри Ди щекотал поднимавшийся по лестнице запах эпоксидной смолы. Он сидел так часами, пока от этих испарений у него не краснели глаза. А в постель ложился почти на излете ночи.

«Завтра с ним поговорю, – подумала Ди, – придется».

В Тихоокеанскую балетную школу она на семестр опоздала, однако могла еще все нагнать. С деньгами было туго, но кто ей мешает устроиться на работу? Отцу, чтобы клеить модели самолетов и невидящими глазами смотреть во мрак, она, что ни говори, была не нужна. От вгрызавшегося в нее чувства вины Ди едва могла дышать. Воздух отяжелел от смешавшихся запахов разогретого клея и отчаяния. «Нет, я должна жить другой жизнью, – подумала она, – так живут только призраки». Слезы прочертили на ее щеках пылающие следы.

Утром Ди сделала особый кофе, дабы отнести отцу в постель. Готовился этот особый кофе в замысловатой стеклянной штуковине из Сан-Франциско, и чтобы его оттуда накапать, надо было потратить уйму времени. Он получался горьким и смолистым, как речной ил, и отец его очень лю-

бил. Возможно, он вложил в эту кофеварку всю свою любовь, ведь вещи поважнее доставляли слишком много боли. Ди эта машина напоминала о временах, когда они все еще были вместе, и не внушала ничего, кроме ненависти. Она плеснула на размолотые зерна кипятку. Кухню заполнил темно-коричневый аромат. Этим утром она намеревалась с ним поговорить. Поговорить по-настоящему.

Девушка закатала длинный рукав, пролила на запястье немного кипятка и ахнула. Потом стала смотреть, как на коже вздувается браслет из красных волдырей. Это помогло. Она раскатала рукав, чтобы спрятать ожог, и окончательно расставила все на подносе. Сегодня Ди ему все скажет. Он вззоет от боли, станет беситься, но она не могла больше все держать в себе. *Красивый камешек.*

Ди вошла к отцу в комнату и поставила поднос на стол. Ей подумалось, что от аромата кофе он проснется в хорошем настроении. Она расшторила окно навстречу заснеженному миру снаружи. Дома, почтовые ящики, машины – все они по краям сглаживались белой порошей. Ди повернулась, чтобы сказать: «Посмотри сколько его выпало за ночь!» И тут увидела его. Его тело лежало на кровати неестественно прямо, неподвижное в ослепительном, белоснежном свете. На лице застыло выражение, которое она поначалу никак не могла определить. Но потом узнала в нем удовлетворенность.

Ей сказали, что он умер от инсульта. Но о том, связан ли он был с исчезновением Лулу и последующим уходом мамы,

не обмолвились ни словом. Да и не надо было. Тот, кто отнял у Ди Лулу, также лишил ее матери, а затем и отца. Отнял ее саму. Ведь что после всего случившегося от нее осталось? Теперь она чувствует себя большой, темной, пустой комнатой.

В балетную школу путь теперь был заказан – у Ди не было на нее денег. Окончить школу она тоже не смогла. Устроилась работать в аптеку, но попутно нашла себе настоящее занятие – занялась поисками того, кто стоял за исчезновением сестры. Мужчины, приехавшие в тот день на озеро, взгляды, списки подозреваемых. Вот что стало для нее настоящей работой.

Она каждую неделю звонит замотанной Кэрен, если не чаще. Замотанная Кэрен – детектив, ведущий дело Лулу. Когда она говорит, в ее голосе неизменно слышится, с одной стороны, утомление, с другой – неистовство. У нее выразительное лицо, на котором написана каждая виденная ею боль, каждая спина, которую она когда-либо обнадеживающе похлопывала, каждая протягиваемая ею утешительная салфетка, искаженные черты каждого заходящегося перед ней в крике человека.

Одно время они с Ди сблизились. Детективу было жалко юную девушку, у которой никого не осталось. *Зови меня Кэрен.* Когда Ди ей звонила, она рассказывала о ходе следствия. Теперь же говорит только одно: «Мы над этим работаем».

Тед

Я не всегда могу сказать это наверняка, но на этот раз совершенно уверен, что совершу нечто очень важное. Найду друга. В последнее время я все чаще ухожу из дома. Кто присмотрит за Лорен и Оливией, если в один прекрасный день мне не суждено будет вернуться? Я один, а этого явно недостаточно.

Мамочка трижды брала меня в лес. А в последний раз отослала обратно одного. Да, я по-прежнему чувствую под темной сенью листвы ее присутствие. Она прячется в мельтешении света на лесной подстилке. А порой – да-да – в шкафчике под раковиной. Но если по правде, то с того самого дня я сам по себе.

Я убеждаю себя, что это все ради Лорен с Оливией, и это действительно так. Кроме того, мне больше не хочется оставаться одному. Я выбираю время, когда рядом нет Лорен. Если бы она знала, чем я занимаюсь, ничего хорошего из этого бы не вышло. Я снимаю висячий замок со шкафчика в гостиной, где у меня хранится ноутбук. В темной комнате зажигается квадрат призрачного света – будто дверца в потусторонний мир.

Найти сайт проще простого. Их сотни. Только вот что потом? Я прокручиваю страницу за страницей. Мелькают лица, глаза, имена, даты рождения, крохотные обрывки суще-

ствования. Напряженно размышляю, что именно мне нужно, что лучше всего подойдет Лорен. Женщины, говорят, заботливее мужчин. Значит, думаю, женщина. Но женщина особенная, способная вникнуть в нашу ситуацию. Некоторые из них выглядят весьма мило. Вот эта, тридцать восемь лет, любит серфинг. Ее добрые глаза – две голубые лучинки, того же цвета, что и море за ее спиной. Кожа немного загорела от солнца и соленой воды. Волосы цвета сливочного масла и ровные, белые зубы. На лице радостная улыбка. Судя по виду, она из тех, кто заботится о других. Следующая – сплошь цвета леса: черный, коричневый, зеленый. Красивая, облегающая одежда. Специалист по связям с общественностью. Помада на ее губах похожа на мазок красной масляной краски.

Несколько лет назад я поснимал все зеркала, потому что они расстраивали Лорен. Но чтобы знать, как я выгляжу, они мне не нужны. Ее слова меня ужалили. *Здоровенный, жирный*. Мой живот как резиновый мешок. Висит, будто его пристегнули ремнем. Я без конца толстею и не могу с этим ничего поделать. Сшибаю все, что попадает на пути, пружину от дверных проемов. Для меня непривычно занимать в мире так много места. На улице я бываю нечасто, поэтому кожа у меня бледная. Недавно Лорен взяла в привычку горстями драть из меня волосы, поэтому на черепушке среди каштановой растительности сияют бледные проплешины. А поскольку ни бритву, ни ножницы я в доме не держу, у меня

во всю грудь отросла борода, рыжая и густая. По какой-то непонятной причине она и по цвету, и по структуре отличается от шевелюры на голове. Похожа на накладную, сродни тем, которые напяливают актеры, когда играют пиратов. Руки и лицо у меня все в царапинах, ногти на руках обкусаны чуть ли не до крови, а на ногах... я долго не мог набраться смелости на них посмотреть. Все остальное... Об этом вообще стараюсь не думать. В последнее время ко мне прилип запах, что-то вроде грибов или сырой земли. Собственное тело точит на меня зуб.

Я прокручиваю страницу дальше. Где-то здесь должен быть друг, точнее подруга. С экрана на меня смотрят женщины – светится кожа, искрятся глаза. В профиле каждой из них забавные интересы и бойкие шутки. Я пытаюсь придумать, как описать себя, и набираю: *Одинокий отец. Любит проводить время на свежем воздухе.* Поклоняется богам в белых деревьях... Ну уж нет. Кого мне взбрело в голову дурчить?

На прошлой неделе я отправился в «Севен-Илевен» купить еще пива. Чувствуя в теле слабость, сел на ступеньки магазина, буквально на секунду. Не исключено, что по старой привычке. Но еще потому, что я просто устал. А когда открыл глаза, увидел, что у моих ног бросил несколько двадцатипятицентовых монет какой-то парнишка. Я зарычал, как медведь, он подпрыгнул и убежал. Четвертаки остались у меня. Не могу представить себя в одной комнате с этими

женщинами.

Когда я уже собираюсь выключить компьютер, до моего слуха долетает какой-то шорох. На затылке медленно встают дыбом волосы. Ноутбук не закрываю, не хочу остаться в темноте один. У меня такое чувство, что по затылку бежит чей-то взгляд. В тусклом, голубом сиянии мебель лежит незнакомой, безмолвной тенью. Я никак не могу отделаться от ощущения, что она на меня смотрит.

Внутренности сжимаются в тугой комок. А где я, собственно, нахожусь? Тихо встаю и смотрю по сторонам. Уродливый голубой ковер на месте, ставим галочку. На каминной полке трупиком среди развалин музыкальной шкатулки лежит балеринка. Значит, где я, мне известно. Но кто здесь еще, кроме меня?

– Лорен? – шепотом спрашиваю я. – Это ты?

В ответ – тишина. Глупость, я знаю, что ее здесь нет.

– Оливия?

Но нет, это не она.

Затылок холодит Мамочкина рука, в ухо тихо льется ее голос.

– Их всех надо перенести на другое место, – говорит она, – никто не должен узнать, кто ты на самом деле.

– Но я не хочу, – отвечаю ей я, и эти слова даже в моих собственных ушах звучат плаксиво, как у Лорен, – мне от этого тоскливо и страшно. Не заставляй меня.

Шуршит Мамочкина юбка, в воздухе тает аромат ее ду-

хов. Но она не ушла, потому что никогда не уходит. Возможно, решила провести немного времени в воспоминаниях, громоздящихся вокруг дома снежными сугробами. А может, скрючилась под раковиной, где у нас хранится галлонная бутылка уксуса. Ненавижу находить ее там, когда она ухмыляется во тьме с лицом, подернутым голубоватой дымкой.

Свежая банка настолько холодная, что чуть не примерзает к руке. Когда я ее открываю, она громко хлопает и шипит, утешая мой онемевший дом. Я прокручиваю дальше, вглядываясь в женские лица, но в моей голове напевает Мамочкин голос, и в этом нет ничего хорошего. Иду за лопатой. Пора на лесную опушку.

Я вернулся. Надо все записать, на тот случай, если забуду, как повредил руку. Порой мне не удастся запомнить то или иное событие, и это меня пугает.

В себя я пришел от какого-то гула. На моих губах что-то копошилось. В утреннем воздухе кружили тучи недавно появившихся на свет мух. Все происходило будто во сне, но я все же бодрствовал. Натянутая промеж деревьев паутина кругопрядов сияла в лучах солнца, таких ярких ранним летом. От этого мне вспомнилось то стихотворение. «Иди ко мне в паутинку», – сказал паук мухе. Обычно следует сочувствовать мухе. Но по правде говоря, мух никто не любит.

Моя рука была изогнута под неестественным углом. Думаю, я упал. Во рту ощущался металлический привкус,

должно быть, от прикушенного в отключке языка. Я сплюнул к подножию рябины кровь. Подношение птицам, щебетававшим в ветвях деревьев у меня над головой. Кровь за кровь. После того убийства они большие не прилетят в сад. О таких вещах пернатые передают друг другу из уст в уста.

Каким-то образом мне удалось добраться домой. Как же приятно было слышать щелчки ригелей замков, встававших на место. Я в безопасности.

Медленно возвращалась память. Я хотел перенести на новое место богов. В своей могиле они теперь покоятся год или около того. На самом деле им не стоит оставаться на одном месте больше пары месяцев, потому как после этого они начинают приманивать к себе людей. Поэтому я отправился их выкопать. Но у леса, особенно ночью, появляются собственные мысли. Пора бы это уже запомнить. Вздрыгнула земля, у меня из-под ног вывернулись корни. А может, мне просто слишком ударил в голову хмель. Так или иначе, но я упал. Последним, что отложилось в памяти, был хруст в плече в тот момент, когда я ударился им о землю.

У меня исцарапано лицо, а по всей руке расцвели черные цветы. Выпрямляться она не желает. Я сделал из старой футболки перевязь. Не думаю, что она у меня сломана. Даже если ты не чувствуешь боли, стоит пораниться, как в голове и во всем теле возникает какое-то странное чувство. Мои мысли теперь разбегаются во все стороны.

Когда я перед этим спустился вниз, Оливия не бросила

меня одного. Думаю, из любопытства. Она лизнула мое лицо. Эта кошка знает настоящий вкус крови.

Оливия

– Вот я и дома, киска.

Тед прислонился к двери, черным пятном в ореоле света. В том, как он стоит, есть что-то неправильное. Он как бы вваливается в дом, поворачивается и дрожащими руками закрывает дверь. Чтобы запереть замки, ему приходится предпринять несколько попыток.

– Со мной приключилась одна странность, – говорит он.

Его рука согнута под необычным углом. Он кашляет, и капелька крови, кружась, пролетает в воздухе. Потом приземляется на оранжевый ковер и замирает там рубиновым шариком.

– Пойду посплю, – говорит он и поднимается на второй этаж.

Я слизываю с ковра темное пятнышко и ощущаю слабый привкус крови. ООоооооииииииоо. Тут же возвращается вой.

Когда я сегодня запрыгиваю на свой наблюдательный пункт, кошка уже здесь – сидит на заплеванном бордюре у тротуара. От ее вида у меня воспаляется сердце. Я мурлычу и стучу лапкой по стеклу. На холоде у нее вконец распушилась шубка. Зримо она будто стала вдвое больше. Не обращая на меня никакого внимания, она деликатно обнюхивает дуб в палисаднике и замерзшую лужицу на тротуаре.

Потом, наконец, смотрит прямо на меня. Мы встречаемся взглядами; в ее глазах можно утонуть. Думаю, она ждет, когда я нарушу молчание. Но я, конечно же, в этот момент не могу придумать, что бы такого сказать. Поэтому она отворачивается, а для меня наступает агония, но потом все становится еще хуже. По тротуару фланирует тот самый белый кот. Здоровущий, с колокольчиком на ошейнике. Заговаривает с ней и пытается потереться о ее мордочку щекой. Я шиплю с неистовством закипающего чайника. Он пытается оставить на ней свой запах, но моя кошечка для этого слишком умна. Она выгибает дугой спинку и тактично скрывается из виду. Я готова плакать от облегчения, но вскоре меня охватывает тоска от ее ухода. Боль каждый раз пронзительная и блестящая, как новенький цент.

Позвольте сообщить вам несколько фактов о белых ко-тах. Они коварны, убоги, а ум у них ниже среднего. Да, я понимаю, так говорить не годится, потому как это «неполиткорректно», но это, черт возьми, суцная правда, о которой знает каждый дурак.

Да, я помню, как появилась на свет, о чем уже говорила. Однако подлинное мое рождение состоялось потом. Хотите познать Господа? Он хочет познать вас. Шутка, у него такого желания скорее всего нет. На деле Бог очень разборчив. И показывается далеко не каждому. Поэтому когда выбирает тебя – как круто! – ты действительно об этом

знаешь.

В тот день я узнала о своем жизненном предназначении. Оно есть у каждой кошки, точно так же как каждая кошка может становиться невидимой и читать мысли (в последнем занятии мы особенно хороши).

Я не всегда испытывала к Теду благодарность за то, что он меня спас. Какое-то время мне совсем не хотелось быть домашней кошкой. Когда он принес меня домой, на душе было одиноко и я много плакала. Мне не хватало моих сестреноч, которые умерли рядом со мной под дождем. Я тосковала по кошке-маме, по ее скрипучему, громкому урчанию и теплomu бочку. У нас практически не было возможности друг друга узнать. Я понимала, что они все мертвы, ведь все случилось на моих глазах, и на меня, словно тяжеленный камень, давила тоска. Но одновременно с этим я понимала, что они не умерли. И была убеждена, что смогу их отыскать, стоит выйти на улицу.

Я все искала путь к бегству, но не могла ничего придумать. Пару раз просто мчалась к двери, когда она стояла открытой. По своей натуре я не люблю строить планы. Тед дружелюбно подхватывал меня и возвращал обратно. Потом мы устраивались на диване, он гладил меня или же играл мотком пряжи, пока я не переставала шуметь и плакать. «В мире немало плохих людей, готовых причинить тебе вред или же отнять тебя у меня, – говорил он, – неужели ты не хочешь остаться здесь со мной, киска?» И я действи-

тельно оставалась, на какое-то время обо всем забывив. Но счастье всегда проходит, и тогда я страшно злилась на себя, что уступила Теду, и меня опять поглощала тоска.

В итоге я решила, что наступил тот самый день, причем наступил на самом деле. Свои действия я спланировала заранее, но надо было уложиться в жесткие временные рамки. Все зависело от того, поведут ли себя все теды так же, как раньше. Я уже заметила, что обычно так оно и случается.

Дело вот в чем – мне известно многое из того, что происходит на улице, пусть даже не прямо перед дырочкой в моем окне. Да, я не вижу, зато все слышу и воспринимаю запахи. Поэтому знаю, что каждый день в определенное время на улице со своим громогласным чудищем появляется тед, пахнущий кожей и чистым телом. Обычно он останавливается у нашего дома, чтобы это чудище приласкать. Как они выглядят, я не знаю, потому что никогда не видела их собственными глазами, но, судя по запаху, громогласное чудище поистине уродливо. Оно воняет как старый носок, в который напихали какашек. Я всегда слышу, как это создание корчится и воеет, слышу скрежет его членов, когда оно виляет задницей. Кошачьи души обитают в хвостах, в то время как теды прячут их за своими большими, влажными глазами. Но эти создания свои самые глубокие чувства тают именно в заднице.

Тот тед говорит с ним, будто оно может его понять. «Ну же, Чэмп. Ты же хороший мальчик, так? Ну конечно,

хороший, а то как же. Хороший, большой, тупица». Хотя «тупица» зачастую не говорит. Я слышу, как громогласное чудище хлюпает языком, и улавливаю исходящий от его кожи запах любви. Это только подтверждает слова тедда. Такие вот громогласные чудища в действительности огромные, бессловесные, ид... ну понятно. Чэмпу хочется лишь одного – прикончить меня. Мне на это открыло глаза древнее знание, изначально заложенное в наших телах. У тедов его осталось совсем немного, но вот у кошек – пруд пруди.

Я ждала до тех пор, пока не выучила расписание назубок. Каждый день Тед в определенное время идет покупать сладости и пиво. А когда выходит на крыльцо, тот тед со своим громогласным чудищем пробегает мимо нашего дома. Иногда тед здороваётся с Тедом, и тогда тот что-то бормочет ему в ответ.

Наконец наступил тот самый день, и мое сердце трепетало, будто колибри, хотя я знала, что все получится, – знала, и все. На тот момент я еще особо не повзрослела и могла спокойно проходить под диваном, даже не задевая кончиками ушей его днище. Поэтому спряталась в холле в подставке для зонтов. Вот уж бесполезная вещь! Сколько, по мнению Тедда, у него зонтов? Но чтобы спрятаться – самое то.

Я слышала шаги Тедда, звон и хруст крохотных фрагментов мира, рушившихся под его ботинками. И могла сказать, что сегодня он начал рано, что было только мне на руку. Он

будет медлителен. (Подвыпив, он при ходьбе шаркает ногами. Это почти как очень простой танец – может, даже кадрили.) Я припала к земле и забила хвостом. За моей спиной в воздухе тянулась веревочка. В тот день она была палявого оранжевого оттенка и при каждом моем движении потрескивала, как огонь в камине.

Я сжалась, чтобы прыгнуть вперед. Тед что-то мурлыкал под нос, грохоча в замках ключами. Я вбирала запахи улицы, исходившее от земли тепло. И чувствовала вонь громогласного чудища, его дыхание, вонявшее битыми, протухшими яйцами. Когда Тед стал открывать дверь, мрак в холле прорезал луч света. Я ринулась к нему со всей скоростью, с которой меня только могли нести мои маленькие лапки. Мой план сводился к тому, чтобы взобраться на дуб в палисаднике. После этого, что ни говори, я буду свободна.

Добежав до дверного проема, я так резко затормозила, что меня даже занесло, и тут же утонула в ослепительном сиянии. Глаза ничегошеньки не видели. Мир представлял собой узкий разлом в агонизирующем свете. И тут до меня дошло, что большую часть жизни я провела в полумраке дома. Мои глаза не могли вынести солнца. Я отругала их и зажмурилась. Нос ощутил прикосновение странного, ледяного воздуха. Может, у меня получится бежать с закрытыми глазами?

Дверь открылась шире. Воздух, должно быть, вынес мой запах в окружающий мир; громогласное чудище взорвалось

ревом. Я чувствовала исходящее от него возбуждение, предвкушение смерти. В ушах раздался звон его металлического ошейника. Я догадалась, что громогласное чудище становится на дыбы и рвется вверх по ступеням. Все вокруг замедлилось и чуть ли не остановилось. Я почувствовала, как в ослепительно-белом огне меня настигает смерть.

И поняла, что план был поистине ужасен. Мне никогда не забраться на дерево. Я не могла даже открыть глаза, чтобы его увидеть. Громогласное чудище было уже рядом, я ощущала его пасть, разверстную как длинная, грязная пещера, его гнилые зубы. Шею охватил пылающий круг огня. Это была та самая веревочка, теперь шипевшая от жара. Потом она вспыхнула и стремительно, как удар кнута, потащила меня обратно, подальше в надежный сумрак дома. Я услышала, как Тед с силой захлопнул дверь.

И открыла глаза. Я опять была под крышей – в полной безопасности. Снаружи орал Тед. Громогласное чудище прижалось мордой к двери, запыхтело и заголосило. Его вонь забралась под створку и заполонила собой все без остатка. Я ужаснулась того, что наделала. Да как вообще можно было посчитать эту идею хорошей? Я почувствовала себя совсем крохотной, осознала, насколько нежна в моем теле каждая косточка, насколько деликатны вены и шубка, насколько прекрасны глаза. Как можно было рискнуть всем этим в мире, где какое-то громогласное чудище может сожрать меня и даже не подавиться?

– Эй! – заорал Тед. – Уберите пса.

Его душила злоба. А когда Тед злится, с ним лучше не связываться.

Лай и вой немного отступили. Должно быть, тот мед оттащил свое громогласное чудище от двери.

– В доме моя дочь, – сказал Тед, – и вы ее не на шутку напугали. Надо быть осторожнее.

– Извините, – сказал тот мед, – он просто любит поиграть.

– Тогда держите его на поводке, – ответил Тед.

Вонь чудища отступила, смешавшись с далекими запахами леса. Потом оно ушло. Тед быстро вошел в дом и загрохотал замками – щелк, щелк, щелк. Как же радостно их было слышать.

– Бедный котенок, – сказал он, – испугалась.

Я забралась Теду на руки, почувствовав, как пылающая веревочка стала толще и заточила нас в ослепительную утробу света.

– Вот почему я запретил тебе выходить из дома, – сказал он, – там на каждом шагу подстерегают опасности.

– Прости, – сказала я Теду, – не знала.

Понять меня он, конечно же, не мог, но я посчитала важным все равно это сказать. Нас со всех сторон окутывало сияющее тепло. Мы находились внутри желтого, огненного шара.

Вот тогда-то я и увидела Его. В недрах пламени с нами

был кто-то третий. Не похожий ни на что известное мне. Он выглядел как все сущее. И каждое мгновение приобретал новый облик, то ястреба с желтым клювом, то красного кленового листа, то комара. Я знала, что где-то среди прочих там присутствовала и моя мордочка, но видеть ее не хотела. Понимала, что это будет конец. Когда мне придет время сделать последний вдох, Он явит Себя, и тогда Его лик примет очертания моей мордочки.

«Твое место здесь, – сказал мне Господь. – Я спас тебя с особой целью. Вы с ним – ты и он – должны помогать друг другу».

«Понимаю», – сказала я. Все правильно, Теду действительно нужна помощь, да еще какая. В голове у него сплошная каша, в жизни одни проблемы.

После этого мы объединились в отличную команду и оберегаем друг друга. Я здорово проголодалась, поэтому пока буду заканчивать.

Ди

В глазах богатого человека напротив синяя глубина.

– Далила, – говорит он, – рад с вами наконец встретиться.

У него ослепительно-белые волосы, забранные в низкий хвостик; льняные облегающие брюки и рубашка. Терраса его дома, выстроенного из древесины гигантской туи и стекла, теряется среди верхушек обступивших его со всех сторон деревьев. Местечко в аккурат из тех, где хотелось бы жить Ди. В воздухе стоит аромат нагретой на солнце живой зелени, смешивающийся со свежим запахом лимонада в кувшине перед ними. На его поверхности плавают веточки мяты. Нотками верхней октавы восхитительно позвякивают кубики льда. Его домработница, ни слова не говоря, принесла все это, когда они сели.

Рядом с лимонадом на столе лежит желтый конверт. По холодному боку кувшина вниз соскользнула капелька конденсата, и его уголок теперь темнеет влажным пятном. Ди не в состоянии отвести от него взгляд и думать о чем-то другом. Вдруг пострадало содержимое?

– Насколько мне известно, это единственный экземпляр, – спокойно говорит он, проследив за ее взглядом, – человек, который его сделал, несколько лет назад умер от сердечного приступа. Газетенка местная, и архива в ней нет. Так что, кроме этого снимка, других, вполне возможно, действитель-

но нет.

Он не пытается отодвинуть конверт от воды, и Ди приходится сделать над собой усилие, чтобы не протянуть за ним руку.

– Я только взгляну и пойду, – говорит она, – вы и так уделите мне достаточно времени.

Он качает головой.

– Можете забрать его и оставить себе. Вам наверняка захочется ознакомиться с ним, когда рядом никого не будет.

– Спасибо, – потрясенно отвечает она, – правда спасибо.

– Полагаю, что инцидент в Орегоне больше не повторится. Вы там слишком увлеклись. Хорошо еще, что за решетку не угодили.

Ди вздрагивает. Ну конечно, о чем о чем, а об этом он точно знает. О том человеке из Орегона, который в тот день был на озере. Замотанная Кэрен шепнула ей на ушко пару деталей, в том числе местонахождение его охотничьего домика.

Профиль преступника Ди знает наизусть. Человеку, отнявшему у нее Лулу, около двадцати семи лет, в браке не состоит. Безработный или же занят ручным трудом. В общественном плане маргинал. Скорее всего ранее привлекался за насильственные преступления. Первичная мотивация для похищения незнакомого ребенка сводится к... Ди не позволяет себе додумать до конца. С годами ей удалось овладеть искусством по первому желанию выбрасывать из головы все мысли до единой.

Человек из Орегона во всех отношениях был идеальным кандидатом. Откуда Ди было знать, что в тот момент, когда пропала Лулу, он с пробитым колесом находился в Хокиаме, за много миль от места происшествия. Что это могли засвидетельствовать девять человек. Подавать на нее в суд он не стал. Но Кэрен после этого от нее отдалилась.

– Сколько? – спрашивает Ди, глядя в тусклые, синие глаза богатенького собеседника.

Тот перехватывает ее взгляд и дрожащей рукой медленно наливает себе стакан лимонада. Его слабость лишь спектакль. На предплечьях проступают тугие бугры мышц.

– Деньги мне не нужны, – говорит он, – от вас понадобится кое-что другое.

По ее костям принимается гулять плоть.

– Нет-нет, – снисходительно улыбается он, – все очень просто. Вы знаете о моем хобби. Я собираю всякие диковинки. Но основу коллекции, самую ее суть, храню в этом доме. И хочу, чтобы вы на нее взглянули. Просто посмотрите, всего лишь разок.

– Я могу заплатить, деньги у меня есть.

– Вам все равно не хватит, – тихо отвечает он, – будьте же умничкой.

Она оглядывает пейзаж над деревьями, его безупречную одежду, видит исходящую от него уверенность, приобретенную благодаря деньгам, и понимает, что он прав. Не спрашивает, с какой стати ей ему верить или кто может гарантиро-

вать, что в конверте именно то, что он говорит. Момент уже упущен.

Девушка кивает – у нее нет другого выхода.

Он ведет ее к расположенной в середине дома двери – внешне вроде бы гранит, но на самом деле явно имитация – и открывает ее. Ди охватывает дрожь. Он вполне может сейчас запереть за ней эту дверь и больше никогда не выпустить обратно.

Впереди во всю длину дома тянется галерея. Окон нигде нет. Воздух прохладный, его температура выдерживается до долей градуса. Вдоль стен – стеклянные витрины и фотографии в рамках, каждая освещена единственной, тусклой лампочкой. Это его коллекция или, как он сам ее называет, музей. Она о ней слышала. В среде знатоков она хорошо известна. Этот человек достает то, чего не могут другие. Чего никому не полагается видеть. Предмет его собирательства – артефакты смерти. Снимки, украденные улики в виде пугающих кровавых пятен, письма, написанные остроконечным, каллиграфическим, викторианским почерком, фрагменты невосстановленной смерти, которые убийца не успел съесть перед тем, как его поймали.

Эта комната – коридор кошмаров Ди. Каждый предмет в ней представляет собой реликт чего-то ужасного, что могли сотворить с Лулу. Девушка бросает взгляд на черно-белую фотографию слева на стене и тут же отводит глаза.

– Нет-нет, вам обязательно надо смотреть, – говорит он, –

такой уговор.

Он прекрасно знает, что она сейчас чувствует, слышит по ее голосу.

Ди идет по галерее, ровно три секунды глядя на каждый экспонат и двигаясь дальше. По ходу очищает мозг от любых мыслей. Он шагает рядом, чуть ли не прижимаясь к ней. Его кожа источает слабый запах олова. Ей кажется, что он даже не дышит.

Дойдя до конца тускло освещенного коридора, она поворачивается к нему и протягивает руку. Он на миг замирает на месте, и по ее телу, с ног до головы, медленно ползет стылый взгляд его синих глаз. До нее доходит, что в этот самый момент он включает в свою коллекцию ее саму, ведь не каждый сувенир можно поместить под стекло. «Ну все, – думает она, – меня сейчас стошнит». Потом он слегка кивает и вкладывает ей в руку конверт.

На улице Ди ослепляют воздух и свет. При виде деревьев она испытывает такую благодарность, что ей хочется плакать. Но сказать ему что-то еще она отказывается.

– Будьте осторожны на дороге, – говорит он и возвращается в свой деревянный дворец.

Все, что хотел, он уже получил, и девушка больше не представляет для него никакого интереса. Она медленно направляется к своей машине и небрежно бросает конверт на пассажирское сиденье рядом. Затем заставляет себя неспешно проехать меж деревьев. Он все еще может за ней наблюдать.

На педали газа у Ди сводит судорогой ногу, дыхание в груди частит. Выехав с лесной подъездной дорожки к его дому на шоссе, она вдавливая педаль газа в пол, и двигатель тут же отзывается рыком.

Она всецело отдается ленте дороги, уносящей ее все дальше и дальше, пока леса не сменяются лугами с амбарами и лошадками, а те, в свою очередь, не уступают место длинным одноэтажным торговым центрам. Воздух пропитан тяжелым духом бензина. Когда от этих холодных, синих глаз ее отделяют многие мили, она сворачивает на площадку для стоянки и отдыха. Кладет голову на руль и жадно хватается ртом воздух. Мимо с ревом проносятся огромные грузовики, на ходу потряхивая ее маленькую машинку. Она признательна, что они заглушают рвущиеся из нее звуки.

Наконец дыхание немного выравнивается. Ди выпрямляется. Пришло время узнать, что же она купила.

Подавив приступ тошноты, девушка распечатывает конверт и достает фотографию.

Она ей хорошо знакома, правда, под ней нет подписи: ОБЫСК В ДОМЕ ПОДОЗРЕВАЕМОГО. А вот и он сам, прикрывает рукой от солнца глаза. Этот снимок Ди знает – не раз расспрашивала о нем Кэрен.

Замотанная детектив устала ей говорить, что у этого человека алиби, а обыск в его доме ничего не дал. В итоге полиции пришлось переключиться на другие версии.

– Но ведь те, кто видел его у входа в супермаркет, могли ошибиться, – сказала Ди, – он бывал там часто, они к этому привыкли и решили, что так было и в тот раз. Просто заполнили пустое место на тротуаре знакомым зрелищем, хотя на самом деле его там не было и в помине.

Ди понимает это лучше любого другого.

– Есть еще запись с камеры видеонаблюдения, – сказала Кэрен.

– За все время? – спросила Ди. – За весь день, да?

Детектив не ответила, но девушка в этом и не нуждалась. В том, как она ссутулила плечи, Ди прочла «нет». Это было, когда Кэрен еще делилась с ней сведениями, до инцидента с тем мужчиной из Орегона.

Знай, что девушка сейчас держит в руках, детектив бы встревожилась. В отличие от публикации в газете, этот отпечаток никто не кадрировал. Скорее всего, раньше он принадлежал самому фотографу.

На снимке во всю ширь открывается пейзаж, позволяющий увидеть его по краям, ранее недоступным взору. Ди прилагает усилия, чтобы не торопиться и все внимательно рассмотреть – увидеть, изучить, понять.

Вдали за домом виднеются деревья. Густые, кустистые, характерные для северо-запада Тихоокеанского побережья заросли, заполонившие собой все вокруг. По тротуару спиной к зрителю шагает дама в шляпе, таща за собой на поводке косматого терьера. Чуть дальше в окне торчат маленькие,

бледные, любопытные личики. Дети.

Самое важное Ди видит в последнюю очередь, будто ее мозг не может переварить успех после стольких лет томительных неудач. В углу хорошо виден указатель, который не стоит никакого труда прочесть. Улица Никчемная.

Впервые в жизни Ди понимает, почему падают в обморок и как это бывает; в голове будто взрывается белый свет, вспышка, за ней удар и чернота. Теперь ей известно, где жил подозреваемый, а может, даже живет и сейчас. Дыхание опять сбивается и частит. Этого было бы вполне достаточно, но есть кое-что еще.

– Мы в тот день там были, – шепчет Ди, – когда папа проехал нужный поворот.

Рот наполняется вкусом воспоминаний и жевательной резинки. За ту долгую поездку она, должно быть, раз тридцать совала в рот все новые и новые пластины. Папа направлялся к озеру, но свернул не туда, в конечном итоге они сбились с пути и долго блуждали по нескончаемым, серым, окаймленным лесом пригородам. Затем ряды одноэтажных зданий поредели и уступили место облупленным викторианским домам, а в нос ударил буйный, дикий запах лесов. Улочки вели в никуда. Вспомнилась мысль, пришедшая в голову, когда они проезжали мимо этой вывески: «Да уж, действительно никчемная дыра». Она помнит, что улица заканчивалась тупиком. Папа вытер с бровей пот, тихо выругался, они развернулись и покатали обратно.

Вскоре они опять отыскивали автостраду 101, и название улицы отступило в глубины памяти Ди, похороненное под ворохом других бесполезных сведений – какого цвета был комбинезон у парня, заливавшего им бензин, когда они остановились на заправке, кому она больше всего нравилась в школе и кто в такой-то группе играл на бас-гитаре.

На миг Ди задумывается, не может ли это быть простым совпадением. Но тут же отвергает эту мысль мощным ментальным пинком. Между этими двумя событиями должна существовать связь. Должна, и все.

Может, подозреваемый видел, как они, заблудившись, медленно наворачивали круги? Может, углядел в окне уставшее личико Лулу, а потом проследил за ними до озера? Папа вообще с ним говорил? Он вполне мог остановиться и расспросить подозреваемого, куда им ехать. В таком случае тому и следить не надо было, он и так бы знал, куда они направляются, и мог пойти напрямиком на озеро. Ди снова и снова пытается вспомнить, где тогда останавливался папа. Но если одни эпизоды того дня намертво отпечатались в памяти и клеймом каленого железа вьелись в плоть, другие до сих пор расплываются в глазах и никак не могут обрести ясных очертаний. Тогда это выглядело лишь еще одной дорогой в никуда. Они с Лулу были детьми, изнывали от жары и скучали. И даже не догадывались, что для них тогда наступили последние безмятежные моменты перед тем, как мир расскла молния, изменив его навсегда.

Ум предписывает Ди сообщить в полицию. Надо позволить замотанной Кэрен, которая до сих пор ведет это дело. Лулу считается пропавшей. Ее тела так и не нашли. (Одно время Ди думала, что пропавшая лучше умершей, но все эти долгие годы наглядно продемонстрировали, что это не так.)

– Так не должно быть, – как-то сказала Кэрен Ди, – большинство из нас за всю свою карьеру не сталкивается со случаями похищения чужих детей. От этого как-то изнашиваешься и стираешься самым непредсказуемым образом. Иногда мне в голову приходит мысль: почему именно здесь? Почему именно я?

– Тогда у меня вопрос, – сказала Ди. – Почему бы вам просто не делать свою работу?

Кэрен залилась краской.

– До Лулу пропадали и другие, – продолжала девушка, – я проверяла. В окрестностях этого озера творится что-то ужасное.

Может, в этот самый момент между ними испортились отношения. Но так или иначе, а Ди должна немедленно ей позволить.

Но ничего такого она делать не станет. Это особый подарок, лично для нее. К тому же в ее душе бархатисто колыхается гнев. Если бы полиция всячески не ограждала ее от этого дела, она много лет назад могла бы вспомнить название улицы и установить взаимосвязь. Растраченное понапрасну время.

Снимок таит в себе еще один секрет. Ди пристально вглядывается в рубашку подозреваемого. Вблизи фотография идет зерном и глаза отказываются видеть четко. Но она все равно рассматривает вышитые на нагрудном кармане слова. Для газеты их, по-видимому, заретушировали. Ди удается разобрать имя. Эд или Тед. Баннер... дальше не видно.

Ее охватывает чувство, что после долгой-долгой борьбы она наконец нанесет решающий удар. У нее есть имя, пусть и не полностью, и название улицы. Ди вдруг понимает, что плачет, хотя это лишено всякого смысла, потому как ее душу переполняет яростная уверенность. На краткий миг, за который сердце успевает сделать один-единственный удар, она ощущает рядом присутствие Лулу. В машину врывается запах теплой кожи и лосьона для загара. К ней прикасается пухлая, мягкая щечка. Ди вбирает в себя чистый аромат волос сестры и сладость ее дыхания.

– Я иду, – говорит ей она.

Тед

Сегодня мой день, и утром я отправляюсь к человеку-жуку. Его мне удалось отыскать среди тематических объявлений в Интернете. Он берет меньше обычного, и я могу позволить себе раз в две недели его сеанс. На прием меня записывают всегда в самую рань, пока еще никто не встал – и, надо думать, не желает никуда идти. Мне нравится к нему ходить. Я рассказываю ему об Оливии, о том, как ее люблю, о передачах, которые видел по телевизору, о съеденных сладостях и о рассветных птицах. Порой даже говорю о Мамочке и Папочке. Только совсем чуть-чуть. О ситуации с Лорен и о богах, разумеется, ни слова. Каждый раз я ввинчиваю во всю эту ерунду настоящие вопросы. Медленно подбираясь к самому главному. Пройдет совсем немного времени, и я его задам. С Лорен дела идут все хуже и хуже.

Порой разговоры с ним будто даже помогают. Так или иначе, но он выписывает таблетки, от которых мне явно лучше.

Шагать туда сорок пять минут, с чем я отлично справляюсь. Сказать, что идет дождь, нельзя, но в воздухе стоит теплое, гнилое марево. На мокрой дороге плесенью отражаются фары машин, на тротуаре корчатся блестящие, розовые дождевые черви.

Кабинет человека-жука расположен в здании, похожем на

небрежно наваленное нагромождение детских кубиков. В приемной никого нет, и я с радостью устраиваюсь на стуле. Мне нравятся такие местечки, где ты словно застываешь между двумя разными мирами. Приемные, комнаты ожидания, очереди и тому подобное, где в действительности ничего не должно происходить. Они снимают напряжение и позволяют мне думать.

Воздух насыщен запахами чистящих средств, химической имитацией цветущих лугов. Мне кажется, что когда-нибудь в будущем больше никто не сможет сказать, как благоухает настоящий луг. Может, к тому времени настоящих лугов и не останется, а цветы будут делать в лабораториях. Тогда, вполне естественно, им придадут запах чистящих средств, посчитав, что так будет правильно, и круг замкнется. Вот какие интересные мысли приходят мне в голову в приемных врачей, на пешеходных переходах и в очередях продовольственных магазинов.

Появившийся человек-жук приглашает меня войти, на ходу поправляя галстук. В моем присутствии он, похоже, нервничает. Все от склада моего характера. Большую часть времени он неплохо это скрывает. Его живот похож на небольшую декоративную подушку из тех, которые так любила Мамочка. Жидкие, белесые волосы. За очками – голубые глаза почти идеальной круглой формы.

Его имени я, конечно же, не помню. Он напоминает маленького, дружелюбного щитника или рогача. Отсюда и мое

для него название.

Кабинет выдержан в бледных, пастельных тонах, стульев в нем явно больше, чем нужно, самых разных размеров, форм и цветов. От их вида меня охватывает нерешительность, граничащая с агонией. Интересно – может, он наставил их здесь специально, чтобы оценивать мое состояние? Время от времени я пытаюсь думать как Лорен и угадать, какой она выбрала бы стул. Хотя дочь, скорее всего, попросту расшвыряла бы их по всей комнате.

Я останавливаюсь на несколько помятом, металлическом складном стуле. Надеюсь, что этот суровый выбор продемонстрирует ему, насколько серьезно меня заботит мой прогресс.

– У вас опять стало меньше волос, – спокойно говорит он.

– Думаю, их ночью выдирает моя кошка.

– А левая рука, судя по виду, серьезно повреждена. Что с ней?

Эх, не подумал, надо было надеть что-нибудь с длинным рукавом.

– На свидание ходил, – говорю я, – а она случайно захлопнула дверцу машины, да прямо мне по руке.

На самом деле ни на каком свидании я еще не был, но чувствую, что, если произнести эти слова, будто заклинание, шансов на это у меня станет больше.

– Жаль, – произносит он, – а как вы считаете, во всем остальном свидание прошло хорошо?

– Еще бы, – звучит мой ответ, – я здорово провел время. Знаете, мне на глаза попалась эта новая передача. О человеке, который убивает людей, но только если они того заслуживают. То есть людей, но только плохих.

– А что, по-вашему, вас привлекает в этом шоу?

– Ничего меня в нем не привлекает, – говорю я, – мне так думается, это полная чушь. По тому, что люди делают, еще нельзя сказать, какие они. Плохой поступок может совершить любой человек, даже неплохой. А плохие люди могут случайно сделать что-нибудь хорошее. Поэтому я считаю, что никогда нельзя сказать наверняка.

Вижу, он набирает в грудь воздуха, чтобы задать мне вопрос, поэтому тороплюсь продолжить:

– А еще по телевизору показывали человека, который убил много людей, потом во время несчастного случая ударился головой, а когда пришел в себя, то будто вернулся на десять лет назад. Не мог вспомнить ни как убивал, ни свою жену, ни новые мобильные телефоны. Он был совсем не тем, кто убил тех людей. И что, он все равно во всем виноват, даже если не мог контролировать ситуацию?

– У вас никогда не возникает ощущения, что ситуация выходит из-под контроля?

«Так, осторожно», – думаю я, а вслух продолжаю:

– Еще есть передача про говорящую собаку. Для меня она реальнее способности отличать хороших людей от плохих. Да, признаю, моя кошка действительно не может говорить.

Но я всегда знаю, чего ей хочется. А это ничуть не хуже разговора.

– Вижу, кошка многое для вас значит, – произносит человек-жук.

– Она моя самая лучшая подруга.

По всей видимости, за полгода моих визитов к нему это мое первое правдивое признание. Мы молчим, но никаких неудобств эта тишина мне не доставляет. Он что-то пишет в своем блокноте, должно быть, о продуктах, которые надо купить, или о чем-то еще, потому что я не говорю ему ничего такого.

– Но я за нее тревожусь.

Он поднимает глаза.

– Мне кажется, она... – Я на миг замолкаю в нерешительности. – Мне кажется, моя кошка, как это называется? Гомосексуалка. Лесбиянка. Думаю, ее привлекают самочки.

– Почему вы так думаете?

– Она постоянно смотрит в окно на другую кошку. Смотрит все время. Точно вам говорю – она ее любит. Моя Мамочка очень расстроилась бы, узнав, что я завел кошку-гомосексуалку. У нее с этим строго.

На миг воздух наполняется запахом уксуса, еще чуть-чуть, и меня вырвет. Я не собирался ничего этого говорить.

– Вы полагаете, ваша кошка?..

– Не хочу о ней больше говорить, – говорю я.

– Но ведь...

– Нет! Нет, нет, нет, нет и НЕТ.

– Ладно, – соглашается он, – а как ваша дочь?

Я вздрагиваю. Упоминание о Лорен вырвалось у меня один-единственный раз и то по чистой случайности. Это оказалось огромной ошибкой, потому что потом он с этой темы больше не слезал.

– Она проводит много времени в школе, – говорю я, – поэтому мы с ней видимся нечасто.

– Знаете, Тед, этот сеанс организован специально для вас. Персонально. Лично. И говорить здесь можно все, что угодно. Некоторые считают этот кабинет единственным местом, где в действительности можно выразить свои мысли. В повседневной жизни порой бывает трудно признаться в том, что мы думаем и чувствуем по отношению к тем, кто нам всех ближе и дороже. От этого человек чувствует себя в изоляции. А когда таит секреты, ему всегда очень одиноко. Поэтому очень важно иметь возможность говорить, чувствуя себя в полной безопасности, например, как здесь. Так что можете выкладывать мне все без утайки.

– Ну что ж, – говорю я, – в моей жизни есть стороны, о которых мне хотелось бы когда-нибудь кому-нибудь рассказать. Но только не вам, а кому-то другому.

Он поднимает брови.

– Вчера вечером я смотрел по телику монстр-траков и думал: «Монстр-траки просто супер. Огромные, ревущие и забавные. Вот здорово было бы в один прекрасный день встре-

тить человека, любящего большие грузовики».

– Это хорошая цель.

Его глаза будто затягиваются глазурью и превращаются в два шарика из голубого мрамора.

Я неделями припасая самые скучные мысли, чтобы потом поведать их человеку-жуку. Порой мне трудно напридумывать столько всего, чтобы потом говорить целый час. Однако эта идея пришла мне в голову спонтанно.

– В своей книге, – говорит он, – я рассказываю о том, как диссоциация в действительности может *нас защитить*...

Теперь можно без опаски отключиться, что я и делаю. Человек-жук обожает говорить о своей книге, хотя она не опубликована или что-то в этом роде. Не думаю, что она у него вообще закончена. Он пишет ее, сколько я его знаю. Я так думаю, у нас у всех есть что-нибудь такое, о чем мы заботимся больше, чем обо всем остальном. Для меня это Лорен и Оливия. Для человека-жука его нескончаемая книга.

Под конец нашего часа он протягивает мне пакет из коричневой бумаги, в точности такой же, в каких дети берут с собой в школу ланч. Я знаю, что там четыре коробочки с таблетками, и чувствую себя от этого гораздо лучше.

Должен сказать, что с человеком-жуком я веду себя очень даже умно. Эта мысль пришла мне в голову некоторое время назад, вскоре после истории с Девочкой с фруктовым мороженым.

Перед этим у Лорен несколько дней держалась немного

повышенная температура. Я хотел достать ей антибиотиков, но не знал как. То, в каком мы находимся положении, не понять ни одному доктору. Я надеялся, что она поправится без посторонней помощи, но шли дни, а ни о каком выздоровлении речь не шла. По сути, ей даже стало хуже. Я зашел в Интернет и нашел на противоположном конце города бесплатную больницу.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил я Лорен. – Опиши мне свое состояние, только точно.

– У меня жар, – сказала она, – а по коже ползают мурашки. Я не могу думать и хочу только одного – спать. И устаю даже от обычного разговора с тобой.

Ее голос показался мне немного скрипучим. Я внимательно выслушал все ее слова, записал их, а бумажку сунул в карман.

Когда стемнело, отправился в город в ту бесплатную больницу.

Дабы осмотреть меня, врачам понадобилось два часа, но я и не возражал. В приемном покое было голо и пахло мочой. Но зато тихо. Некоторое время я просидел там наедине со своими мыслями. Как уже говорилось выше, в приемных мне думается лучше всего.

Когда меня вызвала сердитая дама, я вытащил записку и трижды прочел в надежде все запомнить. Затем прошел в небольшой кабинет, где меня встретил врач и спросил о симптомах. Я добавил в голос немного скрипа и сказал:

– У меня жар. По коже ползают мурашки. Я не могу думать и хочу только одного – спать. И устаю даже от обычного разговора с вами.

Я повторил все, что сказала Лорен. Слово в слово. И у меня получилось! Он прописал мне антибиотики и постельный режим. Я зашел в небольшую аптеку по соседству и купил все по выданному рецепту. От чувства облегчения я чуть ли не приплясывал в проходах между витринами. А обратно шагал с высоко поднятой головой, чтобы на меня мог смотреть окружающий мир. Видел симпатичную неоновую вывеску с цветком и лоток, на котором продавались фрукты в виде звезды. Видел женщину с крохотной черной собачонкой в большой красной сумке. И с силой прижимал к груди пакет с антибиотиками.

На мою улицу я вышел вконец разбитый. До клиники и обратно мне пришлось прошагать миль десять, а то и больше. Я дал Лорен антибиотики, подмешав их в еду, и вскоре ей стало лучше. План сработал!

Когда с Лорен все пошло наперекосяк, я понял, что нуждаюсь в некоторых ответах. Не столько о ее теле, сколько о мыслях. Вот почему мне пришла идея пойти к человеку-жуку, притвориться, что я говорю о себе, а на самом деле выспросить все о Лорен. Примерно как в той истории с антибиотиками, только на этот раз мне требовалась информация, а не лекарство.

Я возвращаюсь и выхожу на свою улицу. Дом напротив меня желтый с зеленой окантовкой. Я опять стою напротив жилища Леди Чихуахуа, и меня снова охватывает ощущение, что мне будто что-то такое известно. Словно в голове крохотными лапками вышагивают муравьи.

На телефонном столбе красуется какая-то бумажка. Я подхожу посмотреть, потому, как обычно, там вешают объявления о пропаже какого-нибудь кота. Порой кошки кажутся очень способными и независимыми, хотя на самом деле нуждаются в нашей помощи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.